

**АННА
БЕРСЕНЕВА**

АВСТРИЙСКИЕ
ФРУКТЫ

Русский характер. Романы Анны Берсеновой

Анна Берсенева

Австрийские фрукты

«Анна Берсенева»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Берсенева А.

Австрийские фрукты / А. Берсенева — «Анна Берсенева»,
2017 — (Русский характер. Романы Анны Берсеновой)

ISBN 978-5-699-97013-1

У современной женщины «за тридцать» Татьяны Алифановой нет ни малейшего желания останавливать на скаку коней, да и вообще нет склонности к альтруизму. Самой бы прожить! Она одинока, прагматична, рассчитывает только на себя. Тем более что и заработать в нынешние трудные времена нелегко даже ей, стилисту высокого класса. Но Татьяна привыкла преодолевать очень серьезные трудности, так как из них состояла вся ее прошлая жизнь с самого детства. И вдруг именно из прошлого, из ярких, горестных и счастливых его событий, приходит известие, которое полностью меняет и ее нынешнюю жизнь, и ее представление о себе самой. К счастью или к горю? Попробуй пойми сразу!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97013-1

© Берсенева А., 2017
© Анна Берсенева, 2017

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анна Берсенева

Австрийские фрукты

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Серия «Русский характер. Романы Анны Берсеновой»

В оформлении переплета использована репродукция картины Натальи Тур «Зима. Портрет Насти. Из серии «Времена года» (2006)

Серия «Супербестселлер Анны Берсеновой»

В оформлении переплета использованы фотографии:

Algor_1, Jascha Asadov / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Часть I

Глава 1

– Ой какой прекрасный фикус! Ваш?

– Соседский, – ответила Таня, входя в приехавший сверху лифт.

Фикус появился на лестничной площадке месяца два назад. Наверное, стал занимать в соседской квартире слишком много места. Удивительно, как он вообще оказался у Артюховых: бесполезного имущества у них сроду не бывало.

Дверь закрылась, и лифт поехал на первый этаж.

– Я бы ни за что фикус не завела, – словно в ответ на Танины мысли сказала соседка.

Она жила на семнадцатом этаже, на вид ей было лет пятьдесят. После нее в лифте, особенно вот в этом, маленьком, целый день держался удушливый аромат. Ей нравились пряные духи, и казалось, что она не брызгается ими, а обливается.

Но все-таки запах любых духов лучше, чем вонь от десятка маленьких собачонок, которых берет на передержку другая соседка, с седьмого этажа. Каждый раз, когда та выводит всю свору гулять, какая-нибудь собачка обязательно успевает нагадить в лифте, и если бы не добросовестный дворник-таджик, каждый день убирающий подъезды вверенного ему дома, собаками здесь воняло бы всегда.

– А чем фикус плох? – спросила Таня.

Только чтобы разговор поддержать, вообще-то спросила. К комнатным растениям она была равнодушна. У нее на подоконнике зачах даже дареный кактус.

– А если фикус разрастается, значит, придется дом покинуть, – ответила соседка.

– Почему? – удивилась Таня.

– Примета такая. И знаете, есть подтверждения.

– Интересно, какие?

Лифт остановился, они обе вышли на площадку первого этажа.

– Бабушка моя рассказывала, – ответила соседка. – Она до войны в Чернигове жила. И как раз в сорок первом году у них фикус так разросся, просто как баобаб. Очень было некстати! Квартира маленькая, семья большая – они с сестрой вместе жили. У обеих мужья, дети, а тут нате вам, фикус на половину столовой. Столовая общая у них была, – уточнила она. – И сестра бабушкина эту примету вспомнила тогда. Все смеялась: Эстерка, не зря фикус разросся, может, моему Иосифу квартиру от завода наконец дадут, мы и переедем. А вот что вышло – война... Бабушка двадцать второго июня две корзины клубники собрала, на варенье как раз ее перебирала, и тут к дому грузовик подъезжает, и дед вбегает. В форме уже. Он обычным бухгалтером был, но всех же призывали. Собирайте, говорит, детей, полчаса у вас – уезжаете. Бабушка ему: «Лазарь, что же мы за полчаса соберем, и куда же нам ехать, а дом как же, бросить, что ли?!» Дед как рявкнет: «Все бросайте, и чтоб через полчаса в кузове сидели!» А он на нее в жизни голос не повысил, ни до того, ни после. Они с сестрой детей только успели одеть и документы взять. А сами так и сели в кузов в чем были, бабушка даже руки от клубники не помыла. А в Оренбургской области потом... Ой, извините! – спохватилась соседка. – Я вас задерживаю. Так что фикус лучше дома не держать, – заключила она.

Метель гуляла по двору, засыпала снежной крупой ступеньки подъезда.

– Вы в такую погоду на машине ездите? – Соседка застегнула крючок под капюшоном норковой шубы. – Бесстрашная вы женщина.

– А для чего же машина? – пожала плечами Таня. – Чтобы зимой на остановке мерзнуть? – И предложила: – Вы к метро? Могу подвезти.

– Спасибо, – отказалась та. – Мне сегодня на работу не надо, за молоком только схожу. Глаза у нее, однако же, были подведены, губы подкрашены, волосы уложены, и духи благоухали с обычной сногшибательной силой.

«Правильная у меня все-таки работа, – усмехнулась Таня. – Без куска хлеба никогда не останусь».

Она пошла к машине, но приостановилась и, обернувшись, спросила:

– А что с вашей бабушкой в войну стало?

– С ней – ничего, – тоже обернувшись, ответила соседка. – Прожили с сестрой четыре года в деревне, в Оренбургской области. Тяжело, конечно, пришлось, дети были маленькие. Но выжили. А родных, кто в Чернигове остался, всех до единого человека немцы расстреляли. Даже девочку полуторагодовалую. Вот вам и фикус. До свидания, Татьяна, хорошего дня.

И пошла к соседнему дому, в первом этаже которого находился магазин. Надо же, имя знает. А Таня вот понятия не имеет, как ее зовут.

Она положила серебристый рабочий чемодан в багажник и села за руль. Хорошо, что купила два года назад эту машинку. Еще размышляла, стоит ли тратиться в такое время, когда все доходы скукоживаются, а ипотеку еще выплачивать и выплачивать. Можно и на метро поездить, думала. Ага, поездишь на нем теперь! Еще доберись до метро с этих выселок, когда маршрутки отменили. В час пик особенно приятно было бы и с рабочим чемоданом.

Кружок из десятка домов, в одном из которых жила Таня, находился в семи автобусных остановках от метро «Сходненская» и назывался Петушки – по имени улицы. Улицы имени Василия Петушкова. Когда она где-нибудь называла свой адрес, все улыбались, а пожилые люди спрашивали: это пионер-герой, наверное? Но Василий Петушков был никакой не пионер, а участковый милиционер, которого пятьдесят лет назад застрелил пьяный придурок. Вкратце об этом сообщала табличка возле автобусной остановки, а недавно Таня и подробности прочитала в бесплатной газете, которую положили в почтовый ящик: какой-то местный алкаш заперся в квартире со своей женой и ребенком, орал в белой горячке, грозился их поубивать, вызвали участкового, тот сломал дверь, а алкаш в него из ружья пальнул.

Таня считала такую смерть бессмысленной. Ну, спас этот Василий Петушков родственников алкаша. А кто сказал, что ради этих дурацких родственников стоило жизнью жертвовать и собственного сына сиротой оставить? Таня вот ни за что не пожертвовала бы не то что жизнью, но даже минутой своего времени ради дуры, которая живет с каким-то козлом, рождает от него детей, позволяет ему при этом допиваться до чертей и ее же детям угрожать.

Но все-таки ей нравилось, что эту дальнюю улицу назвали в память никому не известного милиционера со смешной фамилией, а не Ленина или еще какого-нибудь уродца. К тому же и сын этого Василия Петушкова был теперь директором детского дома в соседнем дворе.

Когда Таня вошла в квартиру, где ей предстояло работать, то удивилась тишине. Она не очень любила делать прически невестам, хотя оплачивалось это хорошо, и не любила именно потому, что всегда приходилось работать в шуме и суете, которые царят в любом доме накануне свадьбы. А здесь было не просто даже тихо, а как-то трепетно тихо. По комнатам ходили какие-то женщины, родственницы, наверное, их было много, они двигались бесшумно, и казалось, что они не касаются ногами пола. Из-за этой тишины можно было бы сказать, что в доме не невеста, а покойник, но все женщины лучились таким тихим счастьем, что даже мысль подобная в голову не приходила.

И таким же счастьем лучилась невеста. Она была совсем молоденькая, лет восемнадцать, а может, и тех не исполнилось, сидела, сложив руки на коленях, с обращенной в себя улыбкой, а на вопрос, какую прическу ей хотелось бы, сказала, что это на Танино усмотрение. И видно было, что она действительно думает не о прическе и не о платье, очень, кстати, дорогое, несмотря на его кажущуюся простоту, – а только о том, что с ней сейчас происходит и что будет происходить дальше.

«Рада, что замуж взяли, – подумала Таня. – Хотя в ее возрасте чему уж так радоваться-то? Беременная, наверное».

Она заплела серебристые девочкины волосы в широкую, едва намеченную косу, вдела в прическу живые белые лилии, которые заранее заказала в салоне для новобрачных и забрала по дороге – как знала, что невеста окажется блаженная и никаких собственных желаний не выскажет, – и завила концы волос в крупные локоны.

– Ну вот, – сказала Таня, оглядывая свою работу. – Ты теперь на Русалочку похожа. Знаешь такую сказку?

– Конечно. – Та чуть заметно улыбнулась. – Я ее в детстве очень любила.

Да, нашла кого спросить. Это сама она могла бы ни про какую Русалочку не слыхивать, а здесь-то книжные полки до потолка, уж Андерсена девочке точно прочитали когда следует.

– Выпьете чаю, кофе? – В детскую, где Таня делала невесте прическу, вошла одна из бесшумных женщин. – Или, может быть, вина?

– Вина не буду, я за рулем, – отказалась Таня. – Да и ничего не буду. Мне через час надо на Ленинском быть.

Женщина вышла, а она стала складывать в чемодан инструменты.

– А жених твой... Он кто? – все-таки не удержавшись, спросила Таня.

Давно уже она не страдала пустым любопытством, и клиенты, любящие поболтать, ее отчасти даже тяготили. Но сейчас ей в самом деле стало интересно. Чему они здесь все так радуются?

– Мы вместе учимся, – ответила девочка. – На филфаке. И в школе вместе учились.

– В одном классе?

– Да.

– И сколько же вам лет?

– Восемнадцать. Мы в один день родились. Нам месяц назад исполнилось восемнадцать.

– А... родители у него кто? – осторожно уточнила Таня.

Другому постороннему человеку она не задала бы такой нахальный вопрос, но этой можно.

– У него только мама, – ответила девочка. – Она учительницей работает. В музыкальной школе.

– Так чему ж вы все так радуетесь?!

Таня прикусила язык. Ей совсем не хотелось обижать эту девочку хамским высказыванием, да еще в день свадьбы. Она просто удивилась, действительно удивилась. Все они здесь блаженные, что ли? Ладно девочка, ну а взрослые-то?..

Но невеста и не подумала обижаться.

– А мы давно друг друга любим. – Она улыбнулась той же безмятежной улыбкой. – С первого класса. Поэтому, конечно, счастливы.

«Дети. Горя не видали. И родня эта вся... Такая же, наверное».

Таня думала об этом все время, пока спускалась с четвертого этажа; дом в Сокольниках был старый, без лифта. И когда счищала снег со стекла своей машины, тоже думала, как это взрослым людям удастся совсем не знать жизни.

Не надо обладать особенным опытом, чтобы понимать, что через год-другой, самое большое после окончания своего филфака эти наивные дети остынут друг к другу. Человек меняется с возрастом, и ему нужно новое. А у этих и так-то перемен никаких не предвидится. Ну что им в своей жизни менять? От рождения все имеют, стремиться не к чему.

Таня, может, и усомнилась бы в своей правоте, если бы не филфак и не книги до потолка. Но, учитывая это, сомневаться в будущем молодоженов не приходилось. Все у них будет так, как есть сейчас, потому что уже сейчас у них есть все, чего они, такие как есть, могут в своей жизни достичь. И при такой-то предопределенности еще и связать себя в восемнадцать лет с

определенным же человеком?! То есть даже не в восемнадцать, а вообще с рождения, похоже. Какая же скука возьмет в тридцать! А в сорок? А в пятьдесят?

«Я бы до пятидесяти в таком случае точно не дотянула», – подумала Таня.

Она села за руль и, пока машина прогревалась, взглянула на айфон. На экране светились сообщения, пришедшие, пока она работала. Завтрашняя утренняя клиентка просит приехать пораньше – ладно, приедет. Сегодняшняя, к которой она сейчас направляется, наоборот, сообщает, что задерживается, и просит подождать – что ж, там в доме кофейня есть, в ней придется посидеть...

Таня вспомнила, как девочка сказала: «А мы любим друг друга с первого класса. Поэтому, конечно, счастливы».

При всей глупости этого заявления счастье в нем, безусловно, было. Ей, правда, недоступное. В силу врожденного отсутствия наивности.

Таня открыла последнее сообщение. Оно пришло с неизвестного номера.

«Вениамин Александрович умер. Похороны завтра в два часа на Ваганьковском».

Она посмотрела на свои руки. То есть не специально посмотрела – руки были у нее перед глазами, потому что она держала айфон. Не сжимала, просто держала. Но пальцы побелели. У нее всегда это было единственным признаком волнения. Он удивлялся этому, когда она была ребенком. И потом удивлялся тоже.

Она положила айфон рядом с собой на сиденье. Печка была включена, но пальцы будто морозом свело. Да, не только в наивных детях, но и в ней тоже есть что-то неизменное.

Таня не думала, что он умрет. То есть не думала, что он умрет при ее жизни. Хотя он старше ее, сильно старше.

И ее не должно было так поразить известие о его смерти. Она не видела его пятнадцать лет. И только первый год из этих лет думала о нем. Если все, что с ней тогда происходило, можно было назвать мыслями... Потом то, что обуревало ее душу, схлынуло. И ни самой ее прежней, ни, значит, всей той жизни больше не было.

«Жалею я о себе той, что ли?»

Таня проговорила это молча и с недоумением. Она была уверена, что о себе восемнадцатилетней не жалеет. Ей вообще не хотелось вспоминать о себе – ни тогдашней, ни тем более о такой, какой была в детстве. Она и не вспомнила бы, если бы... Да, если бы он не умер.

Но он умер, и не вспоминать теперь – не получится.

Глава 2

«Тут все-таки лучше. Мать бы отлупила уже, а тут некому».

Танька повторяла это под каждый свой шаг, и все-таки пока ей не очень удавалось убедить себя в том, что в Москве лучше, чем дома. В Москве было страшно, вот что. Матери она не боялась, а Москвы боялась. Хотя должно бы наоборот быть.

Танька вышла из электрички ранним утром и весь день бродила по городу. Ей казалось, стоит только добраться до Москвы, и все как-нибудь получится. А добралась, и ничего не получается, и непонятно даже, что должно получиться. Зря ехала, выходит.

И ничего не зря! Никто не жалеет, что в Москву уехал. Витек Рогов говорил, когда к матери своей приезжал: в Москве деньги под ногами лежат, дурак, кто не поднимет.

Танька посмотрела себе под ноги. Только желтые осенние листья под ними лежали, прилипали к подошвам босоножек, а денег никаких не было.

За дорогу она потратила все деньги, которые вытаскала у матери из сумки. Не на билеты, конечно, дура она, что ли, на билеты тратиться, а на еду. Покупала что подешевле в буфетах на станциях, когда пересаживалась с электрички на электричку, убегая от контролеров. Вдалеке от Москвы еще ничего, еду купить можно, а на какой-то станции, где она сделала последнюю пересадку за час до конца пути, все уже было такое дорогое, что в горло не полезло бы. Да и кончились уже у нее деньги к той станции. Попрошайничать было стыдно, воровать тоже, а заработать – это бы хорошо. Только как? Алка соседская говорила, что молодая девка на кусок хлеба всегда себе заработает, потому что мужиков на сладенькое тянет. Но одно дело Алка, она с шестого класса всем дает, а Танька такого заработка боялась.

«День-два голодная походишь, небось бояться перестанешь», – уныло подумала она.

Но если и перестанешь, то что? За рукава, что ли, мужчин на улицах дергать – вот я, берите, только денег дайте? Непонятно. Тем более в Москве все спешат и никто ни на кого вообще не смотрит.

Выйдя из электрички на Курском вокзале, Танька не поняла, куда пошла. Сперва перебежала через вок-зальную площадь, потом долго шла по широкой улице... Потом в какие-то переулки попала. В них было запуталась, но быстро разобралась, как они кружатся-пересекаются.

В таком большом городе она, конечно, не бывала, но вообще-то везде хорошо ориентировалась, хоть среди домов, хоть в лесу, хоть в чистом поле. Витек говорил, у нее чутье такое. Как у собаки. Ну и в московских этих переулках разобралась, ничего особенного. В них-то хоть тихо и людей поменьше. А когда опять вышла на какую-то широкую – жуть, какую широченную! – улицу, то попала в огромную толпу. И чего столько народу собралось? Ладно на вокзальной площади людей много, ну а здесь-то?.. Правда, воскресенье. Может, у них тут в Москве так заведено, в воскресенье по улицам гулять. Тем более погода хорошая.

Танька посмотрела на противоположную сторону этой улицы и ахнула. Там высился такой дом, каких она никогда в жизни не видела. То есть она и никаких больших домов никогда в жизни не видела, но этот – ну совсем уже! Огромный, серо-коричневый, с башнями. Его шпиль уходил в самое небо. У Таньки даже голова закружилась, когда она оглядела этот шпиль доверху. Может, все на него и пришли посмотреть?

Но уже через пять минут она поняла: что-то здесь не то. Люди были злые, орали, спорили. И все-таки их было слишком много для обычной воскресной гулянки, даже и московской; это она сообразила. Она вообще была сообразительная. Может, уродилась такая, а может, сделалась, потому что иначе не выживешь.

Да и чего тут особенно соображать? Случилось что-то, по всему видно. Люди, толпящиеся на тротуаре, вдруг хлынули прямо на дорогу. Стали останавливаться машины, даже трол-

лейбусы. Все кричали, некоторые размахивали палками и железными прутьями, лица у всех были злые.

– Девочка, ты что здесь делаешь? – услышала у себя за спиной Танька. – А ну беги домой сейчас же!

Она быстро обернулась. Женщина, которая сказала ей это, глядела сурово. Палки у нее в руках, правда, не было, но была пивная бутылка. И не с крышкой железной, а с затычкой, которая проволокой прикручена. На женщине был платок и штормовка, но все равно она не была похожа на какую-нибудь болховскую тетку, собравшуюся за грибами. Что-то во всех москвичах было общее, это Танька еще в электричке заметила, и тогда же ей стало любопытно, что же оно такое.

Но теперь ей было уже не любопытно, а страшно. Чего они кричат? Куда вдруг все рванулись?

Куда бы ни рванулись, а пришлось идти вместе со всеми, потому что сама не заметила, как оказалась в самой середине толпы.

– Дядь, а куда все идут? – спросила Танька мужика, шагающего рядом с ней.

Вид у него был вроде не такой суровый, как у остальных, и ни палки, ни бутылки в руках не было. Но он ничего ей не ответил – увидел кого-то, знакомого, наверное, и исчез в толпе. А того мужика, который шел рядом с другой стороны, Танька спрашивать побоялась, потому что очень уж громко он орал:

– На «Останкино»! На «Останкино»!

Что за Останкино такое, она не знала.

«А все равно хорошо, что до Москвы добралась, – неожиданно подумала Танька. – В Болхове такого не увидишь!»

Ей вдруг показалось, что никакого Болхова и на свете нет. Улицы там, считай, пустые, если с московскими сравнить, на многих и асфальта даже нету, и люди ходят медленно, а если кто спешит, так разве что в очередь за чем-нибудь... Неужели так живут? Уже и не верится.

А в Москве!.. Страшно, конечно, зато... Аж щеки покалывает, вот как. Будто от ветра.

Голова у Таньки вертелась, как на шарнирах. Широкая улица перед высоченным зданием со шпилем была перекрыта толпой, троллейбусы по ней ехать не могли, машины тоже. Люди шли прямо по дороге, во всю ее ширину, и кричали все громче. Чего они хотят, Танька так и не понимала.

– Дядь, а тут что? – спросила она другого мужика, который шел теперь рядом с ней.

Он был в очках и незлой вроде.

– Где? – переспросил он.

– Вот тут.

Танька показала пальцем на дом со шпилем.

– МИД, – ответил мужик.

– Что-что? – не поняла она.

– Министерство иностранных дел, – объяснил он. – Предатели родины.

– Кто? – опять не поняла она.

Но толпа уже унесла мужика в сторону, а рядом оказалась женщина.

«Всех по очереди надо спрашивать, – поняла Танька. – Каждый по два слова успеет сказать, так и разберусь».

– Теть... – начала было она.

Но тут шум впереди стал громче, и по всей толпе словно вздох пронесся.

– Ментов прислали! – крикнул кто-то. – Бей гадов!

Все подались вперед, потом побежали. Таньке пришлось бежать тоже, иначе ее с ног сбили бы, так напирала сзади. Впереди слышались новые крики, потом глухие звуки ударов,

толпа остановилась было, потом словно выдохнула громко и яростно, потом поднялся не крик уже, а утробный вой, и все побежали снова, и Танька вместе со всеми.

Вскоре она и сама увидела справа, метрах в ста от себя, этих ментов. И так страшно было увиденное, что Танька даже приостановилась. Правда, только на несколько секунд, потом снова пришлось бежать, чтобы не оказаться под ногами у людей.

Там, справа, шло настоящее побоище. С яростными криками мужики врезались в строй милиционеров и били их железными палками. На каждого приходилось по двое-трое бьющих. Танька успела увидеть, как один милиционер, уже без каски, ушастый, упал, и здоровенный мужик, матерясь, прыгнул прямо на эту его ушастую голову. Она слышала, как голова треснула под ногами, но вой и мат вокруг стояли такие, что все звуки тонули в них. К тому же вдруг защипало в носу и в горле, Танька закашлялась, из глаз хлынули слезы.

– Газ пустили, сволочи! – надрывно крикнул кто-то. – Народ газом травить?!

Краем глаза, сквозь слезы Танька увидела, что слева толпа сделалась как будто пореже. Она сразу бросилась туда. Непонятно было, почему именно слева поредела толпа, может, там стреляют и бежать туда не стоит, но размышлять об этом было некогда. Она лавировала между людьми, как ящерица, подчиняясь не разуму, а чему-то такому, что даже словом назвать не могла. Бежала, прорывалась, орала, плакала, выла, визжала – и наконец оказалась на тротуаре и шмыгнула в какой-то переулок. Подальше от дурной этой улицы, от здоровенного дома до самого неба!

Глава 3

Танька бежала по переулку до угла, размазывая по лицу слезы и сопли, потом повернула в другой переулок, потом еще раз и еще. Подальше, подальше!.. Потом почувствовала, что задыхается, что ей дерет горло, и села на ступеньки возле какого-то подъезда.

Откашлялась, отплевалась и наконец огляделась.

Здесь, на счастье, было тихо. Ни души кругом, даже форточки в окнах закрыты.

«Я и сама б сейчас на все замки закрылась, – подумала Танька. – Вот попала, так попала!»

Теперь ей было ясно, что в Москве что-то случилось. Что-то такое, от чего всем будет плохо. Почему плохо, а не хорошо, она не понимала, но была в этом уверена. А как же еще? Два года назад тоже непонятно что в Москве творилось, танки по городу ездили, она по телевизору видела. А вскоре после того в Болхове все так подорожало, что даже ливерки стало не купить, не то что конфет или там масла подсолнечного. Им с матерью точно. Значит, раз опять в Москве такое началось, то у них еще хуже станет.

«Правильно, что из Болхова сбежала, – подумала Танька. – А чего я там должна с голодудохнуть?»

Есть, правда, хотелось и здесь. Несмотря даже на то, что в горле до сих пор першило. Интересно, правда пустили в людей газ? А какой? Как на кухне в плите, что ли?

Хорошо, что в сумке у нее осталось еще две сосиски, хлеб и вареное яйцо. Двое пассажиров опаздывали на поезд и не доели, оставили все это на тарелках в станционном буфете, а она собрала, завернула в газету и положила на самое дно сумки, под сменное белье.

Танька хотела расстегнуть молнию на сумке... И похолодела. Никакой сумки у нее на плече не было. Она вскочила, оглядела асфальт вокруг себя. Сумки не было и там. Ее помину не было. И, похоже, уже давно.

Танька точно помнила: когда, задрав голову, разглядывала здание, которое называлось МИДом, то сумка была при ней. И когда шла быстрым шагом вместе со всеми посередине улицы, тоже поддерживала время от времени ремень у себя на плече. Сумка была такая древняя, что даже мать ее забросила, и ремень крепился к ней проволокой. Собираясь в Москву, Танька вытащила эту сумку из-за шкафа.

И вот теперь сумки не было. И гольфов запасных не было, и трусов, и почти нового платья в голубых цветах, и надкусанных сосисок с хлебом... И серебряной цепочки от Танькиного крестильного крестика; мать не разрешала эту цепочку носить, а Танька взяла, потому что надеялась ее в Москве продать.

Вообще ничего у нее теперь не было.

Ноги у Таньки подкосились. Она снова села на ступеньку перед подъездом. Хотела заплакать, но, видно, все слезы вылились, когда нанюхалась газа. И хорошо. Чего зря время терять? Сумка наверняка соскользнула у нее с плеча, когда она вырывалась из толпы. Может, и сейчас на асфальте валяется в одном из переулков, по которым она бежала. Кому в Москве такая облезлая сумка нужна, да и попрятались же все!

Эти соображения придали Таньке сил. Она перестала тереть глаза, вскочила и бегом пропустила обратно, оглядывая тротуары и на ходу вспоминая, где и куда сворачивала.

Но зря она себя так обнадежила: ни в одном из переулков сумка не обнаружилась. Так и добежала до той широкой улицы, с которой чудом выбралась во время побоища.

Добежала и остановилась в растерянности.

Толпы на улице уже не было, но люди были. Одни двигались маленькими группками, а другие лежали тут и там прямо посреди дороги. К ним подходили, пытались их поднять. Танька даже врачей двух заметила – маячили белые халаты.

И по всей улице валялись каски, милицейская амуниция, ботинки, штормовки, шапки... Сумки тоже валялись – может, среди них была и Танькина.

Она пошла по улице, цепким глазом оглядывая все, что было разбросано по асфальту, стараясь при этом не наступить на битое стекло и, главное, не наткнуться взглядом на лежащих. Они покойники, может! Покойников Танька боялась.

Она шла и шла, пока не повернула на другую улицу. Здесь она точно не была, значит, и сумку искать здесь не стоило. Но очень уж эта улица была красивая! Тоже широченная, с высокими домами и просторными тротуарами. А на угловом доме вращался огромный глобус. Голубой земной шар! Танька так загляделась на него, что не только про сумку, но даже про страх свой забыла. Да и не очень она вообще-то боялась уже. Ну, людей много, ну, дерутся. До нее-то им дела нету. А если что, снова убежит. Зато интересно как!

На нее в самом деле никто не обращал внимания. Толпа гудела где-то впереди, а Танька шла посередине пустой, без машин, дороги и вертела головой. Какие дома! А рестораны! А магазины! Дыхание у нее захватило от восторга, она даже про сумку думать перестала. Невелики сокровища были в той сумке. А тут зато вон что!

В витрине одного магазина стоял манекен, красивый, как настоящая женщина, даже лучше, а в руке у него была такая сумка, какой Таньке в жизни видеть не приходилось. Розовая, пухлая, сверху замочек в виде двух золотых шариков. И уголки кованные, тоже золотые.

Она подошла вплотную к витрине – «Весна» этот магазин назывался – и долго разглядывала манекен, его невозмутимое лицо, розовую сумку, пальто полосатенькое, шляпку, украшенную прозрачными бусинами. И туфельки! На тоненьких шпильках.

У Таньки аж дух занялся. Вот бы ей так одеться! И в Болхов во всем этом приехать. Или нет, не надо в Болхов. Чего она там забыла? Мать побьет и все отнимет. И ладно бы сама стала носить, так ведь продаст. Не до бирюлек, скажет, жрать нечего. Ну нечего, и что теперь? Всю жизнь в уродском ходить?

Танька посмотрела на свои ноги. Ремешок босоножки держался на честном слове, резинка на гольфе лопнула, и он сполз до щиколотки. Как же она все это ненавидела! И облезлые босоножки, из которых торчат пальцы, потому что нога давно выросла, и толстые гольфы, которые вечно морщинами собираются, и то, что мать побьет, если найдет...

«А вот и не найдет она меня!» – зло подумала Танька.

Ее уже не пугали ни толпа, ни милиционеры, ни газ. Москва оказалась такой, что Танька готова была сдохнуть на ее улицах, лишь бы не возвращаться в свою прежнюю ненавистную жизнь. Она была уверена, что жизнь та теперь навсегда – прежняя.

С трудом оторвавшись от витрины – там много чего еще было выставлено красивого – и решив вернуться сюда попозже, чтобы разглядеть все до последней блесточки, Танька двинулась вперед, туда, откуда доносился гул толпы. Как ни крути, а надо идти к людям. Толпа, с одной стороны, дело страшное, но с другой – когда людей так много, и все они так взбудоражены, и все заняты каким-то общим непонятным делом, у них легче вызнать, что ей делать дальше или хотя бы куда идти. Идти или, может, ехать. В метро-то без денег не войдешь, а на автобусе или на троллейбусе и зайцем можно. Не труднее, чем на электричках.

На ходу она прочитала наконец на табличке название улицы – Калининский проспект. Но даже если бы и не узнала название, то все равно была уверена, что найдет эту улицу снова. Если Таньке сильно чего-то хотелось, то чутье у нее обострялось. Тоже как у собаки: та ведь, когда голодная, кость обглоданную за километр почует.

Люди стояли толпой возле последнего по Калининскому проспекту дома. По высоте он был такой же, как МИД, но по виду совсем другой – на открытую книжку похожий. Прямо перед домом стоял грузовик. То есть только сначала он стоял, а потом сдал назад и, разогнавшись, врезался в стеклянную дверь. И снова сдал назад, и снова разогнался и врезался, и наконец дверь эту вышиб.

– Дядь, тетя, а что там? – приставала к каждому Танька.

Но ни толпа в целом, ни каждый человек по отдельности не обращали на ее расспросы никакого внимания. Даже не обернулся никто. А толку ли обращаться к спинам? Танька ввинтилась в толпу. Из высокого дома доносились автоматные выстрелы, но в толпе было как-то не страшно – казалось, стреляют не по-настоящему. Да и интересно было, что такое они все там впереди видят, что на живого человека ноль внимания обращают.

Неожиданно толпа перед ней расступилась. То есть это Таньке только сначала показалось, что перед ней. А уже через минуту, оказавшись в первом ряду, она увидела, что от домикнижки спускаются по широким ступенькам и идут прямо в толпу какие-то люди. Обмундирование на них было вроде бы военное, в руках настоящие, как в кино про войну, автоматы, но военными они не были точно: шли не строем, а вразнобой, да и весь вид у них был не военный, а какой-то... Звериный, вот какой. Можно было бы подумать, что они пьяные, но у Таньки на это глаз был наметанный, и она сразу поняла: если и пьяные, то совсем чуть, а так-то глаза у них не водкой залиты, а злобой.

Перед собой они гнали нескольких человек. Танька зачем-то пересчитала – пятерых. Расхристанных, в разорванной одежде, один даже вообще голый был по пояс, и все были такие избитые, что даже ей стало страшно, хотя в Болхове она мужиков после драки сто раз видела. Но то после драки, а этих, сразу видно, просто били по чему пришлось. У одного все лицо было залито кровью, у другого глаза заплыли от ударов, третий еле шел, хромая, и рука у него висела как неживая...

– Вы куда их, мужики? – слышалось из толпы.

– В Белый дом, – гаркнул тот, который шел впереди с автоматом. – Пускай там разбираются, что с ними делать!

– В мэрии поймали! – весело объяснил второй, рыжий. – Вражья сила!

Веселье и в голосе, и в глазах у него было точно как у соседа Женьки. Вся улица знала, что того при родах врачи чуток придушили, потому он всю жизнь дурной. Мать то отдавала его в психушку, то забирала обратно домой, пока наконец он ее не зарезал. Танька вспомнила, как Женька быстро-быстро ходил после этого взад-вперед по улице, размахивал окровавленным ножом и шарахающимся от него соседям объяснял, что мамка его обидела. Точно таким же веселым голосом объяснял, как этот рыжий.

– Мало ли что в мэрии!.. – раздалось в толпе. – Чего сразу?.. Они, может, просто документацию вели!.. Или шоферы!..

Танька решила уже бежать отсюда куда подальше – ну их всех, неизвестно, что им в головы взбредет! – когда третий из конвоиров, самый высокий и смурной, выкрикнул – злобно, сквозь зубы, но именно выкрикнул:

– Да у этого пистолет был! Табельное оружие шоферу не выдадут!

И ударил прикладом в спину одного из тех, кого вел в какой-то там Белый дом. От удара тот упал на колени, а потом ткнулся лицом в асфальт. Танька вспомнила, как на таком точно асфальте ушастая голова милиционера треснула под ногами здорового мужика. Она была уверена, что забыла это, потому что слишком страшно было такое помнить, но оказалось, нет, не забыла.

«Сейчас и этот прыгнет!» – поняла она и почувствовала, что пальцы у нее стали холодные, как в мороз; от волнения у нее всегда пальцы холодели, даже белыми становились.

Но смурной конвоир не стал прыгать на голову упавшего. Он несколько раз ударил его ногой в тяжелом шнурованном ботинке, а потом схватил за ворот рубашки, рывком поднял на ноги и развернул лицом к себе. Рубашка при этом треснула, но не порвалась.

«Льняная потому что. Дорогая», – ни к селу ни к городу мелькнуло в голове у Таньки.

– Проси у народа прощения, гнида! – крикнул конвоир. – В глаза людям смотри, в глаза! Кланяйся и говори: «Простите меня, люди добрые, что я, ворюга, вас обкрадывал, свой карман вашим добром набивал!»

Он повернул человека в льняной рубашке лицом к толпе и ударил в спину между лопатками. Наверное, чтобы тот распрямился. Да нет, просто так ударил – тот ведь и так уже смотрел прямо в глаза людей, стоящих в первом ряду. Даже Танька поймала его взгляд, и ей стало не по себе.

Она вдруг поняла: ничего такого этот человек говорить не станет. И прощения просить не станет, и тем более кланяться. Хотя что б ему стоило поклониться? Мать всегда говорила: небось корона с головы не упадет. Таньку эта дурацкая поговорка злила, но сейчас, вот в эту минуту, она понимала, что поговорка – правильная. Не то убьют же!

– Ну! – гаркнул конвоир. – Язык отсох?

– Нет.

Голос этого, в белой рубашке, прозвучал неожиданно громко. Танька даже знала, как такой голос называется – баритон. Им еще в третьем классе на уроке пения училка объясняла, пластинки ставила – где баритон, где бас, где тенор, самый противный и писклявый. Танька в такую мурню не вслушивалась, конечно, но вот сейчас эти голоса выпрыгнули из памяти. От страха, наверное.

– Что – нет? – не понял конвоир.

– Я ничего ни у кого не крал. Прощения мне просить не за что, – этим своим ясным баритоном проговорил человек в белой рубашке.

Рубашка, кстати, уже в крови была, потому что лицо у него об асфальт побилось.

– Во-он оно как, значит... – зловеще протянул конвоир. И яростно, из нутра выкрикнул: – И правда, куда его водить? Шлепнуть сразу – одной гадиной меньше будет!

Он вскинул автомат. Толпа ахнула и отпрянула. Солнце сияло, небо синело. Красивый, как открытая книга, дом, блестя всеми своими бесчисленными окнами, высился в небе. Танька почувствовала, как вместо страха поднимается у нее внутри что-то совсем другое... Но что – понять не успела.

– Ты чего?! Ты куда?! Он же... Он живой же!

Она подскочила к мужику в камуфляже, схватилась за ствол его автомата и изо всех сил затрясла, потянула к себе. Она не понимала, что делает, куда исчез ее страх и почему. Понимала только то, что кричала: что этот человек живой, хоть и лицо у него в крови, и голова, и рубашка, а сейчас, вот прямо через секунду он будет мертвый, и это будет уже навсегда, этого уже будет не исправить, а все стоят, как будто у них ноги к асфальту приклеились, и толку-то, что они взрослые и что их много!..

– Ты что?.. – Мужик с автоматом оторопел и замер было, но почти сразу же и отмер, и рванул автомат к себе так, что проволоочил Таньку по асфальту. – Пш-шла, зараз-за!..

Он дернул автомат вверх и в сторону, пытаясь стряхнуть Таньку. Но избавиться от нее было не так-то просто – в ствол она вцепилась намертво.

– Отпусти девчонку! – угрожающе прозвучал мужской голос.

– Девочка папу нашла! – надрывно подхватил женский. – Пусти ребенка, изверг!.. Товарищи, чей ребенок?.. Да что ж вы творите?!

Толпа загудела и вся, как одно огромное существо, подалась вперед. Это движение было таким могучим и страшным, что даже мужики с автоматами испугались, наверное.

– Да кто ее держит?! – заорал тот, который собирался расстреливать вражью силу. – Сама вцепилась! Пусти, дура!

– Не пущу, – сквозь зубы пробормотала Танька.

Не только страх ее, но и ярость сменились другим чувством – тем упрямством, которое доводило мать до иступления и за которое она не раз лупила Таньку до крови.

– Она за папку!.. – раздалось из толпы. – Отпусти его, пускай к дочке идет!

Это были последние слова, которые Танька смогла разобрать. После них крики слились в утробный возмущенный гул, и он был куда страшнее стрельбы.

– Вы что?! – испуганно крикнул в толпу мужик с автоматом. Не крикнул даже, а взвизгнул; вся его мужественность мгновенно превратилась в самый обыкновенный бабский страх. – Сдались они мне оба!.. Да пошли они!..

В ту же минуту Танька почувствовала, что она уже не держится за ствол автомата, а сама держит автомат за ствол. Он оказался такой тяжелый, что она чуть его не выронила; приклад громыхнул об асфальт.

– Давай, малая, отсюда живее. – Другой мужик, в точности похожий на первого, только не из отряда в камуфляже, а из толпы, забрал у нее автомат. – Бери своего папку, и дуйте, пока целы!

Только теперь Танька глянула на человека, из-за которого вляпалась в такой дурацкий сыр-бор. Он стоял рядом с ней, шатаясь, и, кажется, не очень понимал, что происходит. Глаза у него сделались мутные, лицо в тех местах, где его не залила кровь, было таким же белым, как Танькины пальцы.

Что было делать?

– Пошли! – Она дернула его за рукав. – Э-э, не падай!

Неизвестно, услышал ли он ее слова, но с ног валиться вроде перестал.

Танька схватила его за руку – крепче, чем только что держалась за ствол автомата, – и потащила прочь.

Глава 4

Далеко они, правда, не убежали.

Сначала Танька почувствовала, что ногам ее как-то неловко, и, глянув вниз, увидела, что ремешок проклятый все-таки лопнул и бежит она уже в одной босоножке. Но это бы еще ничего – хуже, что спутник ее стал все чаще спотыкаться и замедлил бег.

– Навязался на мою голову! – в отчаянии воскликнула Танька, когда он в конце концов совсем остановился, прислонился к стене дома и сполз по ней так, будто его и правда расстреляли.

Что с ним делать, непонятно. Сидит на асфальте с закрытыми глазами, но вроде в сознании – дышит тяжело и прерывисто.

Танька присела перед ним на корточки, потрясла его за плечо и попросила:

– Побежали, а? Они ж передумают и догонят.

По уму, надо было не его уговаривать, а самой мчаться во весь дух куда ноги несут. Но она не могла этого сделать. Не его не могла оставить, а, наоборот, сама боялась остаться без него. Даже непонятно, почему так: помощи от сидящего никакой, обуза только, но оторваться от него страшно. Надо же! Когда висела на стволе автомата, никакого страха не было, а теперь вот...

На ее просьбу он не ответил.

– Ты умираешь, что ли? – всхлипнула Танька.

Он молчал. Потом наконец хрипло проговорил:

– Нет.

– Тогда вставай! – встrepенулась она.

Он попытался подняться. Вздучась жила на высоком лбу, даже под кровавыми разводами было видно. Но ничего у него не получилось – рука, упиравшаяся в асфальт, подломилась, и он завалился на бок. От этого Таньке стало совсем страшно, и она заревела в голос.

– Что ты?.. – пробормотал он.

Глаза у него наконец открылись. Левый, правда, не очень-то, потому что заплыл кровью, но правый смотрел не мутно, а с соображением.

– Бою-усь!.. – выла Танька. – Я бою-усь! Не умирай!

– Не умру. – Это он произнес хоть и хрипло, но уже твердо. Танька как по команде перестала выть. – Не умру, – повторил он. – Но идти пока не могу.

– Я тебя не дотащу, – предупредила Танька.

– О тебе речи нет. Надо позвонить. Жетон для телефона есть?

– Не-а.

– Ч-черт...

– Да ладно – жетон! – воскликнула Танька. – Ты скажи, куда звонить! Номер скажи.

– Запиши, – сказал он.

– Чем? – хмыкнула Танька. – Пальцем? И так запомню.

Откуда она собирается звонить, он не спросил – продиктовал телефонный номер, и Танька сорвалась с места.

Хоть от дома-книжки бежали во весь дух, она краем глаза заметила по дороге какое-то кафе, к нему теперь и вернулась. Оказалось, это сосисочная. Она была закрыта, но Танька так заколотила в дверь кулаками, что открыли ей через пару минут.

– Чего ломишься? – настороженно спросила тетка.

Она была толстая и стояла на пороге так, что мимо нее мышь не проскочила бы. Но Танька не мышь.

– Теть! – пронзительно крикнула она. – Я от мамы потерялась!

– И что?

– Дайте папе позвонить! – заканючила Танька. – Он приедет и меня отсюда заберет.

Тетка не сдвинулась ни на сантиметр, но Танька нюхом почуяла, что она заколебалась, поэтому для верности прибавила звук и заняла на одной высокой ноте:

– Те-еть!.. Я только два слова скажу! Только куда папе ехать!

– Раз знаешь, куда ехать, почему сама домой не идешь?

«Вот сволочь! – подумала Танька. – Тебе-то какое дело?»

А вслух сказала:

– Босоножку потеряла потому что.

И задрала ногу в сползшем, грязном, до дыры протершемся об асфальт гольфе.

Тетка молча отступила на полшага в сторону, и Танька юркнула в дверь.

До подсобки, где стоял телефон, тетка шла за ней по пятам. И стояла рядом, пока Танька звонила. Боялась, конечно, как бы девчонка чего не сперла. Ну и правильно, Танька тоже на ее месте боялась бы.

– Здравсте, – быстро проговорила она в трубку. – Это Егор или Нина? Я от вашего друга звоню. От Левертова. Ему стало плохо на Калининском проспекте, и он просит, чтобы вы за ним срочно приехали. В Малый Николопесковский переулок. Он на земле там сидит возле дома три.

– Вот паршивка! – хмыкнула тетка. – А говорила, папе позвонишь!

Она даже потянулась к телефону – может, хотела нажать на рычаг, – но Танька схватила аппарат, отпрыгнула в сторону и поспешно проговорила:

– Приезжайте быстрее, ему очень плохо!

Из трубки еще неслись какие-то встревоженные вопросы, но Танька уже поставила телефон обратно на стол. Все равно ей нечего было на эти вопросы отвечать – что знала, все сказала.

– Спасибо, теть, – с нахальной улыбкой сказала она. – Я пойду.

– Босая, что ли? На, хоть пакет на ногу надень.

На пакете, который тетка ей протянула, улыбался кот Леопольд и было написано: «Ребята, давайте жить дружно». Танька сунула ногу в пакет, обвязала его под коленом шпагатом, который тетка ей тоже дала, и вышмыгнула из подсобки.

Вернувшись в Малый Николопесковский переулок, Танька уселась на асфальт под стеной дома номер три. Спутник ее был в том же положении, в каком она его оставила. Танька этому обрадовалась. Мало ли что могло случиться, пока она препиралась с теткой! Недалеко они с ним, с таким, убежали, чуть за дома свернули только, а крики с Калининского проспекта доносятся по-прежнему, и не только крики, но и грохот, и выстрелы.

Они сидели рядом у стенки и молчали. Ему говорить, похоже, было трудно, а ей не о чем. Да и силы из нее как-то вдруг выдулись, и стала она какая-то вся тяжелая, как воздушный шарик, в который вместо легкого газа насыпали песок. Ни пошевелиться не могла, ни решить, что делать дальше.

«Дождусь, пока его заберут, потом решу... – вяло подумала Танька. – Куда идти и вообще...»

Она только теперь почувствовала, как сильно устала. Даже носом стала клевать, даже чуть не приткнулась головой к плечу своего спутника, да вовремя встрепенулась: у него и так все болит, еще она навалится!

Машина с визгом затормозила у самых Танькиных ног. За водителя была женщина, а мужчина сидел рядом. Они одновременно выскочили из кабины и бросились к Таньке.

– Бен! – крикнул мужчина.

– Веня! – крикнула женщина.

– Что с тобой?! – воскликнули оба.

Они, правда, не только кричали-воскликали, но и поднимали при этом своего друга с асфальта и вели, почти что несли, к машине.

Он вроде бы что-то ответил, но что именно, Танька не расслышала – его уже сажали-укладывали на заднее сиденье, закрывали за ним дверцу.

– Егор, погоди, – глухо донеслось оттуда, и дверца приоткрылась снова. – Девочку забере-

– Какую девочку? – Женщина обернулась. – А!.. Это ты звонила? – спросила она.

Танька молча кивнула. Она вдруг испугалась. Очень уж строгий вид был у этой женщины. И смотрела она, точно как школьная математичка, когда выясняла, что Танька прогуляла урок без уважительной причины.

– Садись в машину, быстро, – сказал Егор.

Не заставив просить себя дважды, Танька юркнула на заднее сиденье.

Никогда она не то что не ездила в такой машине – даже с улицы в такую не заглядывала, даже представить не могла, что такие бывают! Ей показалось, не в машину она села, а кто-то взял ее на руки. И на этих руках качает-колышет-укачивает...

«Куда они меня повезут?» – успела подумать Танька.

И уснула.

Глава 5

Танька проснулась от того, что на нее повеяло прохладой. Она одновременно открыла глаза, завертела головой и воскликнула:

– Мы куда приехали?

Хоть и провалилась в сон, как в яму, но помнила все, что с ней было. И что ее посадили в машину, помнила тоже.

И вот теперь машина стояла рядом с дощатым забором, дверцы были распахнуты, в кабину врвался запах опавших листьев, земли и осенних цветов, и по всему было похоже, что это уже не Москва, а деревня какая-то.

Но как только Танька выбралась из машины, то сразу поняла, что находится не в деревне. Не деревенские были здесь дома, хоть и невысокие, на один-два этажа, и заборы не деревенские, слишком аккуратные, и палисадник за открытой настежь калиткой. Рядом с этой калиткой и стояла машина, и все это Танька рассмотрела за секунду. А уже в следующую секунду из калитки вышла очкастая Нина и, быстро подойдя к Таньке, взяла ее за руку и скомандовала:

– Пойдем.

Если бы Нина внушала страх, Танька, конечно, вырвала бы руку и убежала. Но страха та не внушала, только робость – очень уж строгой казалась. Танька быстро сравнила: пойти с суровой Ниной в дом с резным крылечком или убежать куда глаза глядят и оказаться одной посреди Москвы, где непонятно что творится? И решила, что убежать не стоит.

В доме, правда, тоже творился переполох. Вернее, чувствовалось сильное беспокойство. Наверху, на втором этаже, кто-то торопливо ходил по скрипучему полу, пахло лекарствами, и даже газовая колонка за стеной гудела тревожно.

– Сядь, – сказала Нина, указывая на кресло. – Как тебя зовут?

Танька поморщилась. С какой стати та раскомандовалась? Но кресло, покрытое вязаным ковриком, выглядело уютно, к тому же нога, обернутая пакетом, вдруг заболела... Она села в кресло и сказала:

– Ну, Татьяна.

– Расскажи, пожалуйста, что случилось с Вениамином Александровичем.

– С каким... Александровичем? – удивилась Танька. Но тут же сообразила, о ком речь. – А!.. Ну, его из такого дома высокого вывели, на Калининском проспекте который, и хотели расстрелять.

– Господи! – Нина сняла очки и протерла их прямо краем своей белой блузки. Танька почему-то догадалась, что обычно она так не делает. – И что?

– И ничего. Не расстреляли. Побили только сильно.

– Не расстреляли, потому что ты не дала.

Танька не заметила, как со второго этажа спустился по деревянной лестнице мужчина, с которым Нина приехала по ее звонку. Егор его зовут, она запомнила. Он был высокий, с бородой и смотрел то ли мрачно, то ли просто нерадостно. Видно, плохи были дела у его друга Левертова. Это Таньку почему-то встревожило. Хотя понятно почему: все-таки полдня с этим Левертовым провозилась, вроде и не чужой он ей теперь.

– Бен говорит, девочка за автомат баркашовца схватилась, – сказал Егор. – И тот поэтому не сумел его расстрелять. На секунду бы замешкалась – конец бы ему. Вот так.

– Какое-то безумие. – Нина снова надела очки. – Невозможно поверить, что это происходит наяву. В Москве! Не в Бейруте каком-нибудь.

– Почему невозможно? – пожал плечами Егор. – Такая глыба рухнула, и всего два года прошло. Попытка реставрации после революции не должна удивлять.

Про что он говорит, Танька не поняла. Какая глыба рухнула, какая революция? Она ж в семнадцатом году была, революция? Зимний дворец штурмовали и все такое.

Правда, ей все это было сейчас не очень интересно. Нога болела все сильнее, прямо огнем ее жгло.

– Что у тебя с ногой? – спросил Егор.

Вот же догадливый!

– Не знаю... – пробормотала Танька. – Стеклом поранила, может.

– Сейчас врачи приедут, – сказала Нина. – Посмотрят и ее тоже.

– «Скорая»? – спросил Егор.

– Евгения Вениаминовна хотела «Скорую» вызвать, но я побоялась, – ответила Нина. – Мало ли какие врачам приказы отданы... Позвонила Кузьменкову в Склиф, он приедет с ассистентом. А дальше посмотрим по ситуации.

– Хорошо, – кивнул Егор. И, окинув Таньку быстрым взглядом, сказал: – Надо бы ее помыть. Перед врачебным осмотром.

– Я скажу Вале, – сказала Нина. – Она у Вени освободится, потом ее вымоет.

Таньке не понравилось, что о ней говорят, как о собаке или кошке, которую подобрали на улице и брезгают держать в доме.

– Нечего меня мыть! – сердито сказала она. – Я вообще пойду.

– Как ты пойдешь босиком? – пожал плечами Егор. – И куда, кстати? Ты где живешь?

А вот этого Танька сообщать ему не хотела. Ни ему, ни суровой Нине, ни вообще кому угодно.

Она смотрела исподлобья и молчала. А что они ей сделают? На улицу выгонят? Так вроде наоборот, она-то и уйдет, пожалуйста, а они-то сами ее не гнать, а мыть хотят.

Неизвестно, что сделали бы Егор, Нина и какая-то еще Валя, но раздался звонок во входную дверь. Сначала один длинный, потом два коротких, потом еще один длинный. Для своих такой звонок придумали, наверное.

Нина побежала открывать, а Егор поспешно сказал:

– Слушай, ты вроде самостоятельная. Иди в ванную, а? Вон там, по правой стороне коридора. Пока Веньку будут осматривать, как раз успеешь вымыться. Ладно?

Танька кивнула, встала и, хромая, направилась к двери, на которую он указал. Лучше в самом деле пока скрыться с глаз долой, а там видно будет.

Ковыляя по коридору, она слышала, как с улицы вошли врачи, как они поднялись на второй этаж, коротко переговариваясь. Но ей было уже не до этого – она толкнула дверь справа от себя и оказалась в ванной.

Вообще-то Танька терпеть не могла мыться и делала это, только когда мать пинками гнала, потому что летом ноги после улицы становились такие грязные, что, говорила, порошка не напасешься простыни стирать. Но то дома, где мыться приходилось в цинковом корыте, подтянув колени к носу и поливая на себя из оббитого, в ржавых пятнах эмалированного ковшика. А тут...

Тут была ванна. Белая, без ржавых пятен. С блестящим душем. С зеркальной полочкой, на которой в ряд стояли флаконы с шампунями – не с одним шампунем, а с разными. И мочалок было много, и они были разноцветные. И всякие щеточки, и баночки...

Танька крутнула кран. Из него полилась вода. Она заткнула отверстие ванны пробкой, повертела второй кран. Вода становилась то теплее, то холоднее, но текла ровной сильной струей. Завороженно глядя на эту струю, Танька разделась, стащила с ноги пакет и забралась в ванну.

Она видела такое впервые в жизни. У них с матерью не было ни ванны, ни даже ванной комнаты, и ни у кого из Танькиных друзей не было. У кого-то из одноклассников были ванные, наверное, но она в их квартирах не бывала.

Она лежала, закрыв глаза, и наслаждалась жизнью. Как, оказывается, приятно мыться! Когда теплая вода стала затекать ей в рот, Танька глаза открыла, и вовремя: вода едва не перелилась через край ванны. Она закрутила краны, и снова улеглась, и лежала с закрытыми глазами так долго, что перестала понимать, сколько времени прошло. Может, полчаса, а может, и больше. Потом все-таки села и принялась мыться. Вылила на голову полфлакона шампуня, даже жалко было смывать, потому что это был не «Яичный» или там «Лесная бэль», а какой-то душистый, хоть пей его. Долго терлась мочалкой, такой мягкой, что даже непонятно, как ею можно грязь оттереть, но грязь оттерлась. Потом выдернула пробку из отверстия ванны, дождалась, пока сольется грязная вода, и стала поливаться душем. Даже боль в ноге прошла, так было хорошо!

Нехотя выбравшись наконец из ванны, Танька заколебалась: каким полотенцем вытираться? На вешалке висели два больших и два маленьких, все снежно-белые, будто их только что в хлорке выварили, но при этом мягкие, какими полотенца после хлорки не бывают. Танька взяла одно из маленьких, наскоро им обтерлась и, хорошенько встряхнув, повесила на место. Авось высохнет, пока хозяева мыться придут.

Она вздохнула, глядя на свои вещи, валяющиеся на полу. Ужас как не хотелось надевать их на чистое, распаренное тело. Но придется, сменное-то белье потеряно вместе с сумкой.

В дверь постучали.

– Таня! – послышался Нинин голос. – Врачи тебя ждут.

Теперь, после ванны, когда и тело ее, и волосы пахли розами или даже чем получше, Танька поняла, почему Егор предлагал ее помыть. Хороша бы она была перед врачами – пыльная, в пропахшей вагонами и гарью одежде!

Но как же теперь грязное на себя надевать? Танька беспомощно огляделась – и заметила на двери еще один крючок. На нем висел халат, и тоже такой, каких она никогда в жизни не видела. Не ситцевый, не фланелевый, а махровый, как полотенце, и в разноцветных полосках. Поколебавшись, она сняла его с крючка и надела. Думала, будет неудобно, потому что он большой и длинный, но оказалось наоборот – так хорошо, как в этом халате, ни в одной собственной одежде ей не бывало. Он был теплый, от него еле ощутимо пахло табаком и одеколоном, как... Да, как от Левертова. Конечно, это его халат, догадалась Танька. Надо же, мужчина, а в халате ходит! Ну, здесь у них в Москве все по-другому.

– Таня! – нетерпеливо повторила за дверью Нина. – Поскорее, пожалуйста.

Танька задвинула свою одежду ногой под ванну – потом разберется, что с ней делать, – и открыла дверь.

– Какая ты в Венином халате смешная. – Нина в самом деле улыбнулась. – Пойдем, доктор тебя посмотрит.

Когда Танька, наступая на полы халата, вошла в комнату, окна уже посинели – сгустились сумерки. Комната была освещена множеством разномастных ламп. Одна, бронзовая, под стеклянным абажуром в цветах, стояла на столе, другие две висели на стене по обе стороны от портрета какого-то мужчины, третья была в торшере, который стоял в углу комнаты за креслом.

– Верхний свет включите тоже.

Это сказал человек в белом халате. Он смотрел прямо на Таньку. Она маленько испугалась и заныла:

– Не надо меня лечить! Нога не болит уже!

– Вот и посмотрим, – сказал доктор. И, увидев, что Танька дернулась к двери, прикрикнул: – Да не бойся ты!

Он быстро ощупал ее, оглядел со всех сторон, заставил наклониться, еще как-то повертел, постигал ей руки и ноги, потом усадил в кресло и осмотрел ступню.

– Ничего страшного, – сказал он. – Порезалась, бывает. Хорошо, что не пятку, а то бы кровью могла истечь. Против столбняка прививка есть?

– Не знаю, – пожала плечами Танька.

– Уколы какие-нибудь в ближайшие два года делали тебе? В школе или в поликлинике?

– Не-а.

– Тогда сделаю.

Он промыл перекисью ранку у нее на ноге – Танька при этом сама зашипела, как пере-
кись, – быстро перевязал и сразу же сделал укол, притом не настоящим шприцем, а пластмас-
совым. Танька таких никогда не видела. Игрушечный, что ли?

Она хотела спросить об этом доктора, но тут на лестнице, ведущей на второй этаж, пока-
залась дама. Танька не поняла, почему ей в голову пришло именно это слово. Никаких дам она
никогда в жизни не видела, разве что на картах – дама пик, дама треф. Только на картах они
были молодые и красивые, в коронах, а эта была совсем не молодая, и красоты особой в ней
не было. Но весь вид ее был такой, что к ней слово «дама» только и подходило.

Она была сильно взволнована, Танька сразу догадалась, но держала себя в руках. Танька
вот, например, не умела держать себя в руках – если злилась, то злилась, если боялась, то
боялась. Когда маленькая была, то даже обхватывала себя за плечи, чтобы понять: может, это и
означает, в руках себя держать? Но ничего с ней при этом не происходило, и злиться хотелось
все так же, и бояться.

А эта дама за плечи себя не обхватывала, но в руках себя держала. И одета была не по-
домашнему, а в белую блузку и синюю юбку, и причесана так, будто собралась куда – тем-
ные с сединой волосы гладко расчесаны и собраны в низкий узел на затылке. Танька любила
делать разные прически, девчонки ее за это даже парикмахершей называли, поэтому знала, как
нелегко добиться, чтобы длинные волосы лежали так гладко и узел был бы такой ровный.

А туфли у этой дамы были такие, что Танька прямо ахнула. Какого-то особенного цвета,
очень-очень синего, и на каблуках – это дома-то! – и из настоящей кожи, даже издали видно.
Где ж такие туфли берут? Уж не в магазинах точно.

– Ну как он, Евгения Вениаминовна? – спросила Нина.

– Уснул, – ответила та. И спросила, обращаясь к врачу: – Долго укол будет действовать?

– Часа четыре поспит, – ответил врач. – Потом еще раз обезболивающее уколете, я вам
оставлю. Да вы не волнуйтесь, – добавил он. – Сломанные ребра и сотрясение – это, счи-
тайте, легко отделался. Нога, возможно, и не сломана даже. Завтра организуем рентген. Ничего
страшного с ним не случилось.

– Мне трудно так считать.

По тому, как дрогнул ее голос, Танька поняла, что держать себя в руках совсем, полно-
стью даже она не может.

Тут дама перевела взгляд на Таньку и сказала:

– А тебе моя благодарность безмерна, Таня. Если бы не ты... – Она на секунду отверну-
лась, потом спустилась вниз, положила руку на Танькино плечо и спросила: – Родители знают,
где ты?

Если бы про это спросили Нина или Егор, Танька просто ничего не ответила бы, глядя
им в глаза. Нахальство всегда отлично действует, это она знала. Но не ответить этой Евгении
Вениаминовне – ну и имя-отчество, язык в трубочку свернется, пока выговоришь! – ей почему-
то было трудно. Та была хозяйка, вот что. И не только этого дома, а как-то... Вообще хозяйка,
по характеру.

– Ну-у... э-э-э... – невнятно протянула Танька.

– Ты можешь им позвонить?

Вот на этот вопрос ответить было нетрудно.

– Нет, – помотала головой Танька.

Телефона у них с матерью не было. Да если бы и был...

– Ты живешь не в Москве?

Танька кивнула.

– В таком случае давай поступим так: ты переночуешь у нас, а утром мы вместе решим, что делать дальше. Согласна?

Танька была согласна. Вернее, ничего другого предложить не могла. Не на улице же ночевать. Тем более что непонятно, где она находится. За городом, может, судя по тишине за окном.

– Я тоже у вас останусь, – сказал Егор.

– В этом нет необходимости, Егор, спасибо. Я никого не впущу в дом, не беспокойся, – сказала Евгения Вениаминовна.

– Но... – начал было он.

– Если это окажется те, кого не смогу остановить я, то и ты не сможешь. – Евгения Вениаминовна улыбнулась. – А я сообщу соседям, чтобы в случае чего поднимали шум. Не беспокойся, – повторила она. – Езжай домой вместе с Ниной. Спасибо вам.

– Да за что спасибо? – пожал плечами Егор.

– За все.

Пока Егор и Нина разговаривали с Евгенией Вениаминовной, потом провожали врача, потом прощались сами, Танька забралась с ногами в кресло под торшером. Недавно ей казалось обидным, что Нина с Егором относятся к ней, как к подобранной собаке или кошке, а теперь она и сама чувствовала себя как кошка – свернулась клубочком на мягком, и тепло ей, и больше ничего не надо...

Разве что поесть. Да, есть хотелось так, что аж живот подвело.

– Ты, я думаю, голодная, Таня, – сказала хозяйка, когда, проводив гостей, вернулась в комнату.

«Конечно!» – чуть не выкрикнула Танька.

Но удержалась. Не от стеснения – она была не из стеснительных, – а потому что представила, как эта Евгения Вениаминовна сейчас усадит ее за стол, сама сядет напротив и, пока она будет есть, примется расспрашивать, кто она да откуда. Нет уж, лучше потерпеть без еды!

– Я спать больше хочу, – сказала Танька.

– Это не альтернатива.

Что означают ее слова, Танька не поняла, но та сразу же и разъяснила:

– Я принесу тебе ужин в комнату. Поешь в постели.

Глава 6

Танька наелась куриного бульона с лапшой так, что думала, продрыхнет без задних ног до позднего утра. Но проснулась среди ночи. От страха.

В доме было тихо. Что-то постукивало, шуршало по крыше – то ли дождевые капли, то ли облетающие листья. Что-то поскрипывало в деревянных стенах. Не те это были звуки, которых можно бояться. Но Танька чувствовала такой страх, что все у нее внутри сжалось и даже пот выступил на лбу.

Она только сейчас поняла, что с ней случилось. Что оказалась она в огромном городе, где люди совсем озверели и стреляют, и непонятно, кто в кого и почему, а главное, сколько это будет длиться.

«Что этот Егор вчера про революцию говорил? – вспомнила она. – У них тут революция, что ли? Или была уже? Еще того хуже!»

Отличницей Танька не была, но по истории у нее отметки были хорошие, потому что история ей нравилась. Нравилось, что жизнь, оказывается, идет не как придется, не как у матери она идет, а все из всего вытекает, и если случилось одно, то обязательно случится и другое. Историчка хвалила Таньку – говорила, что она сообразительная и поэтому хорошо разбирается в причинно-следственных связях.

И вот теперь, в темноте и тишине, в чужом доме, в маленькой комнате на втором этаже, эта способность связывать причины и следствия играла с ней плохую шутку.

После революции что бывает? Гражданская война, это всем известно. Про Гражданскую войну историчка, конечно, рассказывала все только героическое – Буденный там, Котовский, Щорс и прочие. Но Таньку не проведешь, она сразу поняла: самое главное, что во время Гражданской войны никаких законов нету, и кто сильнее, тот и прав, а если кто сильнее захочет, то и убьет кого слабее прямо на улице и не побоится, потому что ничего ему за это не будет. Или даже в доме убьет. И тоже ничего не будет.

Как могут убить прямо на улице, она видела вчера своими глазами. А в доме... Танька вспомнила, как Евгения Вениаминовна сказала Егору, что никого не впустит в дом. Это она про кого говорила, интересно? Танька представила: вот сейчас раздастся внизу грохот, потом двери вышибут, потом... Она задрожала как осиновый лист, даже зубы застучали.

«Зачем я только из Болхова убежала?» – мелькнуло в голове.

Первый раз за все московское время Танька усомнилась в правильности того, что сделала. До сих пор она чувствовала только интерес и любопытство, ну, страх тоже, конечно, но страх исчезал так же быстро, как появлялся. А теперь... Теперь уныние овладело ею, и страх не уходил. Он холодил душу так, что хотелось скулить и выть.

Она и стала тихонько поскуливать, сев на кровати и обхватив руками колени. А как тут не бояться? Вот придут сейчас этого Левертова убивать, и всех в доме убьют заодно, и ее тоже!

Она слезла с кровати, прошлепала босиком к окну. Ступня под повязкой уже почти не болела – на ней все заживало как на собаке.

Танька отвернула край занавески. Окно выходило на противоположную от улицы сторону. Внизу был сад, сразу видно, что ухоженный – деревья разные, кусты тоже разные, клумбы есть. Над крыльцом покачивался под ветром фонарь. В его свете Танька разглядела на одной клумбе хризантемы, на другой астры. Цветы были крупные, сортовые. Их с матерью соседка тетя Галя выращивала цветы на продажу, но таких шикарных даже у нее не было.

Вид был мирный, но Таньку он ни капельки не успокоил. Она надела поверх ночной сорочки – это ей хозяйка сорочку дала – махровый халат, который взяла вчера в ванной, и вышла из комнаты.

На первый этаж вела скрипучая деревянная лестница. Но вниз спускаться Танька не стала. Что ей там делать – с хозяйкой объясняться, почему не спит, да куда идет, да зачем?

Цель у нее была, и очень ясная: она хотела найти щель, шкаф, сундук, лаз – какое-нибудь убежище, где можно было бы спрятаться сразу, как только в дом ворвутся убийцы. Когда ворвутся, поздно будет искать.

Ничего такого на втором этаже не было. Висел на стене ковер, не мохнатый, как у всех, а какой-то гладкий – Танька даже ладонью по нему провела – и весь разрисованный красками, как картина. Но что толку от ковра на стене? За ним не спрячешься.

Рядом с ковром была дверь еще одной комнаты. Танька тихонько толкнула ее.

Комната оказалась побольше, чем та, в которой уложили ее. Глаза привыкли к темноте, и она увидела у окна что-то вроде высокого письменного стола, на котором лежали книги и бумаги. Но стула рядом не было, не стол это, значит. А что, непонятно. В углу стояла широкая кровать, на ней лежал человек.

– Не спишь? – спросил он. – Почему?

В том страхе, который душил Таньку, она должна была бы испугаться еще больше. Но вышло наоборот: от первых же звуков этого голоса она успокоилась. Сразу и совсем.

– Боюсь, – все-таки ответила она.

Правда же из-за страха проснулась.

– Чего? – спросил Левертов.

– Что тебя убивать придут. И меня тогда тоже убьют.

Он засмеялся, но тут же охнул. Ну да, у него же ребра сломаны. Не очень-то со сломанными посмеешься.

– Не бойся, – сказал он. – Мы себя убить не дадим.

– А что ты против них сделаешь? – хмыкнула Танька. – Пистолет-то у тебя отобрали.

– А ты откуда знаешь?

– Так сказали же. Эти, которые тебя побили. Сказали, у тебя пистолет был. Неужто б оставили?

– Удивительно!

– Что?

– Что ты это запомнила. Я в такой ситуации вряд ли обращал бы внимание на мелочи.

– Ничего себе мелочи! Есть пистолет или нет – это разница.

– У меня ружье еще есть, не бойся.

– Охотишься?

– Нет.

– Ну-у...

– Что – ну? – с интересом спросил он.

Танька прямо слышала в его голосе этот интерес. Она вообще различала уже все его настроения. А почему так? Непонятно.

– А то, что раз не охотишься, так ружье твоё, может, и не стреляет уже, – объяснила она. – Закисло или еще что.

– Ох! – простонал он. – Не мучай ты меня! Больно мне над тобой смеяться!

– А что смешного? – обиженно пробормотала она.

– Внушаешь веру в человечество, – ответил он. – Сообразительностью, не говоря уже о других твоих качествах. Если хочешь, посиди со мной. Раз одна боишься.

«Уже не боюсь», – хотела ответить Танька.

Но поняла, что не боится как раз потому, что он рядом. А если уйдет из его комнаты, то и снова забоится, конечно.

– Может, – колебавшись, спросила она, – мне к тебе лечь?

– Куда? – удивился он.

– Ну... В постель к тебе. Маленький, что ли, не понимаешь?

– Я-то не маленький. А вот ты маловата еще, чтобы такое предлагать.

Его голос теперь звучал сердито. Танька испугалась: сейчас прогонит! Совсем, из дому.

А что она такого сказала?

– Так все делают, – оправдывающимся тоном проговорила она.

– Кто – все?

– Все мужики. Им только этого и надо.

– Кто тебе сказал?

– Все говорят.

– Заладила – все да все! Ты из зоопарка, что ли?

Теперь Танька сама рассердилась. Да она зоопарка и не видала никогда! А про то, что всем мужикам одного только и надо, мать не уставала ей повторять чуть не каждый день. И в десятом классе у них в школе в прошлом году две девчонки родили, а в этом уже четыре – еще и в девятом, и даже в восьмом. И материна жизнь, и Алкина, и многих других женщин и девчонок вокруг нее только подтверждала это. Хорошо ему рассуждать, когда у него мать – Евгения Вениаминовна! Она его небось ничему такому не учила.

– На стул сядь, – сказал он.

И она тут же перестала сердиться и села на стул, который стоял у его кровати. Левертов был по грудь укрыт одеялом. Ссадины на его лице были замазаны йодом, а одна, у виска, стянута несколькими черточками пластыря. Один глаз заплаыл, другой поблескивал жаром, и волосы прилипли ко лбу. Температура, наверное.

– Ты откуда приехала? – спросил он, глядя на Таньку этим своим жарким глазом.

Весь день ей удавалось избегать ответа на этот вопрос. Просто не отвечала никому, и все. Но не отвечать ему у нее почему-то не получалось.

– Из Болхова, – нехотя проговорила она. – Орловской области.

– А фамилия твоя как?

– А тебе зачем? – огрызнулась было Танька.

– Для понимания ситуации. А вот тебе зачем ее скрывать, а? Из дому сбежала?

– Ну... да.

– Почему?

– Потому! – сердито буркнула она. И, поняв, что он уже все про нее знает, а чего еще не знает, то узнает все равно, горячо проговорила: – А что мне там делать?

– Что все в твоём возрасте делают, – забывшись, он пожал плечами и тут же поморщился от боли. – В школе учиться.

– Да плевать мне на всех! Учиться... Чтобы – что? Знаю я... Только для этого учиться-то не надо.

Он помолчал – согласился с ней, может. Потом спросил:

– Ну а в Москве ты что собиралась делать?

Танька поколебалась – говорить, нет? Но что уж теперь...

– В кино сниматься! – выпалила она. И, заметив, что он снова расхохотался бы, если бы не ребра, обиженно спросила: – А что такого?

– Ох, Таня! – поморщился он. – И в каком же кино?

А зря он душой ее считает, между прочим!

– В каждом фильме дети снимаются, – ответила она. – И не один, не два. Много! Я не гордая, мне даже без слов какую-нибудь роль можно... для начала.

– Для начала? – усмехнулся он.

– Ну а что? Потом бы приладилась, могла б и со словами сыграть. Думаешь, не получится?

– Думаю, получится. А жить где будешь?

– А где все живут? У нас из Болхова многие в Москву подались. И я пристроилась бы... куда-нибудь.

– Ты мне зубы не заговаривай, – поморщился он. – Куда-нибудь!.. У тебя наверняка план имеется. Давай излагай.

Если она чувствовала его настроение, то он, похоже, просто видел ее насквозь. И правда, зубы не заговоришь такому.

– Я на «Мосфильм» пойду, – призналась Танька. – Попрошусь, чтоб на съемки взяли. Если возьмут, то общежитие дадут. Пускай даже не платят пока ничего, только чтоб в столовую ходить разрешили. По талонам. Я про «Мосфильм» передачу видела, – пояснила она. – Это ж целый город! Даже побольше, чем Болхов, может. Точно, там и столовая по талонам, и общежитие есть!

– Таня, – вздохнул он, – я думал, ты разумная. А ты вдруг такую феерическую ерунду несешь. Какая столовая по талонам, какое общежитие? Во-первых, даже если оно и есть, то с чего ты взяла, что тебе должны его дать? Ты что, режиссер, актриса, студентка хотя бы? Во-вторых, на «Мосфильм» с улицы не войдешь. Там пропускная система. В-третьих, как только ты станешь про свои планы рассказывать милиционеру, который пропуска проверяет, он тут же сдаст тебя в отделение. И правильно сделает.

Он говорил все это таким жестким тоном, что после каждого его слова Танька чувствовала, как сердце ее ухает в пустоту.

Так все и есть, как он говорит. Он ведь лучше знает. И что же ей теперь делать?

– Я не хочу! Не вернусь я туда!

Она совсем не хотела это говорить, но вырвалось само собой. Растерялась потому что.

– Тебя никто никуда и не возвращает.

Он произнес это так, что Танька мгновенно успокоилась.

– А... что ж я тогда делать буду? – шмыгнула носом она. – И... где?

– Жить будешь здесь. На «Мосфильм» я тебя свожу. Как только встану. А теперь скажи мне, пожалуйста, внятно и честно: ты от родителей сбежала? Или из детдома?

«С какой стати я тебе должна честно говорить?» – подумала было Танька.

Но как-то вяло подумала, без настоящего пыла. Потому что на самом-то деле понимала уже: придется сказать ему все, о чем он только не спросит. Непонятно, почему так, но вот так.

– Не из детдома, – снова шмыгнув носом, сказала она. – От матери. – И поспешно добавила: – Я ей не нужна!

– Ты уверена?

– А ты б не был уверен, если б тебе каждый день орали: Гиря ты пудовая у меня на шее, и зачем я, дура, тебя рожала». – Танька зло передразнила материны визгливые нотки. – И лупили бы, чуть что. Я ей не даю жизнь устроить, потому что мужикам довесок к бабе не нужен. А если нужен, то... – Танька вспомнила, как один из материных мужей подкрался однажды ночью к ее топчану и залез рукой под одеяло. Это было так противно, что она даже сейчас головой завертела, стараясь вытряхнуть оттуда воспоминание. Хорошо, что муж тот вскоре побил мать и бросил. – К тому же радиация у нас, – добавила она.

– Разве? – удивился Левертов.

– Ага. Облака же, которые из Чернобыля, у нас там посадили. Чтоб в Москву вашу не дошли. И вообще, в Болхове тоска смертная, а не жизнь, – поспешно закончила она. И важным тоном добавила: – Никаких перспектив.

– Ладно, перспективная. – Танька увидела, а больше услышала, как он улыбнулся. – Иди-ка ты все-таки к себе и выпишь. Утром все страхи пройдут. Сейчас мама придет укол мне делать, – добавил он, прислушавшись. – Подумает, что ты меня разбудила, и будет недовольна.

Танька поспешно вскочила. Евгении Вениаминовны она боялась. Кажется, Левертов это понял.

– Она не злая, – сказал он.

– Может, и не злая, – вздохнула Танька. – Только строгая больно.

– Ничего. Зато она делает жизнь устойчивой. Это, знаешь ли, мало кто умеет.

Что он сказал, Танька не поняла, хотя все слова по отдельности вроде были понятные. Она пошла к двери. Хотелось, чтобы он сказал ей что-нибудь ободряющее. Даже ласковое, может. Но вместо ласкового он сказал:

– Ты себя сильно-то не оплакивай. Страдание само по себе не имеет значения. В нем ничуть не больше драмы, чем в счастье.

Танька, остановившись было у двери и обернувшись к нему, на эти слова только вздохнула. Что за человек такой? Ничего у него не понять.

– А мы где вообще? – спросила она.

– Что значит где?

– Ну, в Москве или нет? Тихо тут, – пояснила она.

– В Москве, – ответил он. – На Соколе.

– На каком соколе?

Ей представилась картинка из затрепанной книжки сказок. Когда закончился детский сад, каждому в их группе такую книжку подарили, и она долго была у Таньки единственной. В книжке была картинка: царевич летит над лесами, над лугами на огромной птице. На соколе, может.

Левертов не похож на того царевича. Или похож?

– Есть такой в Москве, – сказал он. – Поселок Сокол.

Глава 7

Таня приехала на Ваганьковское к половине второго. Гроб уже опустили в могилу.

Она в ошолоблении смотрела, как летят вниз комья мерзлой земли, и не знала, что ей делать. Кричать, чтобы прекратили, чтобы открыли гроб? Спрыгнуть в яму и заколотить кулаками по крышке? Это было бессмысленно.

И все было теперь бессмысленно. Не на кладбище, а вообще. Только сейчас она это поняла.

Она подошла к краю могилы, держа обеими руками охапку разноцветных роз. Когда ей нужны бывали цветы, она всегда заказывала эти розы, французские. В каталоге их было сортов сто, и все они пахли; в цветочных магазинах Таня таких не видела.

Вчера она час или больше выбирала одну за другой – белую, алую, лиловую, цвета сакуры, античной карамели и кофе латте, так и называлась эта роза, «латте»... Она машинально листала на айпаде каталог, отмечая цветок за цветком. Сама не поняла, как остановилась.

Сегодня рано утром ей привезли букет. Он был огромный, и она подумала, что Левертов поморщился бы, увидев его, назвал бы купеческим и пожал бы плечами.

От букета шел такой сильный запах, что все стоящие у могилы косились на Таню чуть не с опаской. Ей было все равно. Она бросила цветы в могилу и шагнула назад, в толпу людей, пришедших проводить Левертова. Их было много. Он был заслуженный человек; так, кажется, говорят на похоронах. Таня не знала, кто так говорит. Сама она не могла произнести ни слова.

Но потом все-таки произнесла:

– Почему раньше времени похоронили?

Женщина, стоящая рядом с ней, посмотрела недоуменно.

– В каком смысле раньше? – спросила она.

– В прямом. В два часа должны были.

– Не знаю, кто вам что был должен, – холодно заметила та. – Мы все приехали на кладбище к часу.

Спорить было бы глупо. И с этой незнакомой женщиной, и вообще. Таня даже не знала, кто прислал ей сообщение о смерти Левертова.

Евгения Вениаминовна смотрела с овального медальона, как падают комья земли на гроб ее сына. Взгляд был спокойный, даже радостный.

«Хорошо, что не дожила, – подумала Таня. – Может, потому сейчас и радуется. А может, и еще почему-то... Кто его знает, что там и как».

Левертов терпеть не мог, когда она высказывала мысли вроде этой. Говорил, что умные люди еще в восемнадцатом веке называли такие размышления подразумеваемой символистской и относились к этому иронически. И добавлял, что склонность к идиотской многозначительности происходит у Тани от вопиющего невежества. Он никогда с ней не церемонился.

Портрет Евгении Вениаминовны был вделан в мраморный обелиск рядышком с портретом Левертова-старшего. Точно такой Таня видела на Соколе. Евгения Вениаминовна держала посуду в длинном резном серванте из красного дерева. Он стоял в большой комнате и назывался «дрессуар». Там вся мебель необычная была. У Вени в комнате вместо письменного стола была конторка, и он писал за ней стоя, как Гоголь. То есть это он сказал, что у Гоголя тоже конторка была, Танька-то этого не знала, конечно.

Ну а дрессуар – штука такая необыкновенная, что его и вообще нигде не увидишь. Внутри, за дверцами, стояла посуда, а самая верхняя полка была открытая, и к ней, как бортик, была приделана длинная картина, которая называлась «Дары волхвов». На ней много всего интересного было нарисовано, Танька часами могла разглядывать. А под картиной на полке стояли фотографии в рамочках, и вот эта, портрет Вениного отца, тоже была. Судя по взгляду,

тот тоже с людьми не церемонился и тоже таким холодом мог обдать, что у любого душа в пятки ушла бы.

Место на Ваганьковском было именно его, Левертова-старшего. Он был адвокат и в сталинское время доказал в суде, что какой-то большой начальник не является врагом народа. Это было невозможно доказать, но ему вот удалось как-то. Начальника все-таки сняли со всех постов и даже выслали в Сибирь, но хотя бы не расстреляли. А через год Сталин умер, начальник тот вернулся в Москву, снова стал начальником, даже еще большим, чем прежде, а Левертова-старшего отблагодарил потом местом на Ваганьковском.

– Алик посмеялся бы над такой благодарностью, – говорила Евгения Вениаминовна. – Но тот, я думаю, искренне полагал, что для человека не может быть ничего желаннее, чем место на престижном кладбище.

Все это она рассказывала, когда они с Танькой пекли пирог с грушами и франжипаном. То есть, конечно, пекла Евгения Вениаминовна, а Танька только сидела с открытым от изумления ртом.

Еще бы ей было не изумляться. Все здесь делалось не как у людей. Груши хранились в погребе под домом. Погреба Танька видала, конечно, да только не такие. В этот надо было спускаться по лесенке из чулана, и был он не грязный, не в паутине, а такой сухой и чистый, что Танька и сама там жила бы, не то что картошку хранить или банки-склянки. В погребе стоял большой деревянный ларь, и в нем, пересыпанные сухим песком, лежали груши и яблоки. Притом каждая груша и каждое яблоко были завернуты в несколько слоев папиросной бумаги.

А франжипан этот! Танька и слова такого никогда не слышала. И тем более никогда не видала миндальной муки, из которой делался этот крем. Даже не знала, что такая существует на белом свете.

Миндальную муку Веня привез для Евгении Вениаминовны из своей первой поездки в Париж. Если б Танька попала в Париж, да еще впервые в жизни, то уж точно не повезла бы оттуда муку, хоть бы и миндальную. Но у нее ведь и...

Таня вздрогнула. Мысли, которые ни с того ни с сего потекли у нее в голове точно так, как текли они в тринадцать лет, – оборвались на полуслове.

– Надо было и вам цветы не в могилу, а на холм положить, – сказал какой-то мужчина.

– Цветы?

Она смотрела на него и не понимала, что он говорит.

– Ну да. Такие розы землей засыпали. Жалко.

Таня поняла: он так спокойно говорит с ней о том, как лучше было обойтись с розами, потому что она не плачет. Стоит с каменным лицом. Значит, покойник не был ей близок. Наверное, оказал какую-нибудь существенную услугу, и она пришла отдать, так сказать, долг.

Она повернулась и пошла к выходу с кладбища.

Хорошо, что опоздала. Разве хотела увидеть его мертвое лицо?

Уже у памятника Высоцкому она услышала:

– Татьяна Калиновна!

Таня обернулась. Ее догонял мужчина, который пожалел розы. Шел он быстро, полы его пальто развевались, и видно было, что изнутри оно подбито черным мехом. Норкой, наверное.

Таня остановилась.

– Татьяна Калиновна! – повторил он, подойдя к ней. И, взглядевшись, сказал: – Вы замерзли? У вас лицо совершенно белое.

В его голосе послышалась тревога. С какой стати ему тревожиться за нее? Она его впервые видит.

– Не замерзла, – ответила она. – Что вам?

– Это я вам сообщил о смерти Вениамина Александровича. Извините, перепутал время похорон. Я вам должен передать письмо.

– Какое письмо?

Тане казалось, на плечах у нее лежит бетонная плита. Хотелось только одного: как-нибудь ее сбросить. Ни разговаривать с кем бы то ни было самой, ни разбираться, что ей говорит кто бы то ни было, не хотелось совсем.

– Письмо от Вениамина Александровича. – Он расстегнул пуговицу пальто и достал из-за пазухи, из блестящего меха, незаклеенный конверт. – Мы вместе вели дела. Он мне многое доверял и вот это тоже доверил. Я оказался последним, кто видел его в больнице.

Таня смотрела на письмо в его руке. Конверт был из какого-то отеля. Веня отовсюду их привозил, они всегда лежали у него на столе и в портфеле – ему нравились причудливые вензеля на таких конвертах. Это была его слабость. Других Таня за ним не знала.

Она взяла конверт и хотела вынуть письмо.

– Может быть, вам лучше сделать это дома? – сказал Венин посланник.

– Да. – Она кивнула. – Так и сделаю.

Хорошо, что подсказал. Она плохо соображала. Ей не хотелось ни-че-го. Даже читать Венино письмо. Его больше нет. И к чему тогда какие-то письма? Что в них может быть такого, чтобы изменилось это бессмысленное положение – что его нет на свете?

Она положила письмо в карман шубы и пошла дальше по дорожке.

– Может быть, вы хотите что-нибудь у меня узнать? – произнес он ей вслед. – Я вам позвоню!

Она не ответила, даже не обернулась. Ничего она не хотела узнавать.

Он был всегда. Она его любила, ненавидела, забыла. Но все равно он был. Был! А теперь его нет. И это уже никогда не станет иначе.

Глава 8

– Сколько надо, столько и подождете.

Охранник в камуфляже смотрел Тане не в глаза, а в переносицу. Обычный же дуболом, а таким штучкам обучен!

– Мне нисколько не надо, – зло бросила она.

– Девушка, сядьте обратно в машину. Это в ваших интересах.

Разговаривать с ним было бессмысленно, а бессмысленных разговоров Таня не вела никогда. Она села за руль и захлопнула дверцу. Прошла минута, три, пять... Наконец ворота открылись, из них вышли такие же дуболомы, как и тот, что дежурил на улице – точно Урфин Джюс из поленьев их понаделал! – выстроились в две шеренги, держа автоматы на изготовку. Из ворот величественно выплыл «Майбах». За ним появился «Гелендваген». Машины повернули на улицу и, мгновенно ускорившись, скрылись за поворотом. Дуболомы с автоматами ушли обратно во двор, ворота закрылись. Тот, который остановил уличное движение, махнул рукой. Движение возобновилось.

Все это выглядело такой дешевкой, что Таня глазам своим не верила. Даже в девяностые годы она такого здесь не видала, а сейчас, ей казалось, подобное представление уже невозможно просто потому, что никому не нужно.

Правда, в девяностые и не было на Соколе таких идиотских строений, которые она краем глаза видела сейчас, проезжая по улицам поселка. На Шишкина, где раньше стоял дом из розового туфа, высилось теперь нечто, напоминающее советский Дворец пионеров из красного кирпича. Еще один особняк, тоже новехонький, сверкал зеркальными окнами, как дорогой бордель.

После спектакля с автоматчиками Таня ожидала, что и на Сурикова увидит что-нибудь в этом духе. Но здесь все было то же.

Липы, безлиственные сейчас, но все равно густые. Зеленый штакетник, сквозь который виден двухэтажный дом, обшитый зеленым же тесом. Заснеженный двор. Окна с белыми наличниками. На крыше слуховое окошко, похожее на треугольный домик. В тринадцать лет она сидела на чердаке, смотрела через это окошко на улицу, засыпанную листьями лип, слушала, как стучат по крыше дождевые капли, и думала: пусть бы разрешили остаться, даже в дом бы не заходила, здесь бы на чердаке и жила, только бы разрешили, только бы не выгнали!..

Таня вышла из машины, подошла к забору, просунула руку между штакетинами и отодвинула засов калитки. Прошла, увязая в снегу, по нерасчищенной дорожке к дому. Поднялась по ступенькам. Вспомнила, спустилась обратно. Попыталась сдвинуть тесовую доску справа от крыльца. Доска не поддавалась. Нажала посильнее, и она легко, словно вспомнив ее руку, заскользила вправо. Таня достала ключи из открывшейся щели, задвинула доску обратно и поднялась на крыльцо снова.

Никогда здесь не бывало так тихо. Дом был деревянный, поэтому в нем все время что-то скрипело, шуршало, потрескивало. Под лестницей, ведущей на второй этаж, жил сверчок, как в книжке про Буратино. Книжку про Буратино Таня увидела здесь впервые, раньше только фильм смотрела.

В доме было холодно. Надо было пойти в комнатку, которую Веня называл котельной, и отрегулировать отопление. Но Таня не понимала, стоит ли ей это делать.

Дверь из прихожей в большую комнату была открыта. Да, ведь Веню увезли отсюда на «Скорой», и все осталось как было... На круглом столе лежали какие-то бумаги, стоял открытый ноутбук. Почему он не работал у себя в кабинете наверху? Уже не узнать. Хотя он же написал, что живет на Остоженке. То есть жил. Да, жил, жил! Сколько можно это повторять? Она рассердилась, что так себя заводит. Он жил в другом месте, сюда приезжал лишь время

от времени. Поэтому все здесь выглядит так музейно, без знаков повседневности, кроме вот этих бумаг на столе.

Звуков в доме не было только до той минуты, пока Таня не сделала по нему первые шаги. А как только она вошла в комнату, сразу же начался переполох в стенах и половицах – что-то закрипело, зашуршало, защелкало. Разве что сверчок не запел. Нет его здесь уже, наверное. А может, спит.

Она села к столу, сдвинула бумаги на край. Потом их рассмотрит. Если вообще станет смотреть. Непонятно ей, станет ли.

Веня так ошеломил ее своим письмом, что даже боль от его смерти как-то отошла. Это вообще был его способ – ошеломить так, чтобы отошли на второй план заботы, которые казались всеобъемлющими. Его смерть была как раз такой заботой, и как раз таким своим излюбленным способом он и на этот раз сумел ошеломить Таню.

Она достала из сумки и положила перед собой конверт с вензелями. Он был из отеля в Монте-Карло, вчера вечером разглядела. Вчера же прочитала и письмо, поэтому все ее сегодняшние действия выглядели глупо. Как будто приехала для того, чтобы именно здесь убедиться, что поняла это письмо правильно. А как его можно было понять неправильно? Веня всегда излагал свои мысли внятно, а в письме для пушей ясности еще и пронумеровал каждую.

В самом начале было краткое вступление: «Таня, нет сейчас возможности объясняться. Я перед тобой виноват, ты это понимаешь и знаешь, что это понимаю я. Но если ты читаешь это письмо, значит, мое предчувствие сбылось и меня нет. Таким образом, отпадает необходимость в несущественных объяснениях. К тому же коллега ждет, я должен поторопиться».

А после этих слов, холодных и кратких, шла уже нумерация.

«1. После первого инфаркта, который случился полтора года назад, я привел в порядок дела. Родственников, которым я обязан был бы оставить имущество, у меня нет. Квартиру на Остоженке я снимаю. Этот дом я завещал тебе. С предположением, что ты станешь в нем жить. Не знаю, как ты к этому отнесешься – жить здесь хлопотно, ты знаешь. Если не захочешь лишних хлопот, продай. Но меня утешала мысль, что ты оставишь его себе.

2. Составляя полтора года назад завещание, я не знал одного обстоятельства, которое сейчас является главным. Несколько месяцев назад выяснилось, что у меня есть сын. Это известие в духе индийского кино произвело на меня неожиданно сильное впечатление. Вероятно, дело в возрасте. На шестом десятке узнать, что у тебя имеется ребенок, – новость не из ординарных. Но этому неожиданно открывшемуся неординарному факту сопутствуют и другие неординарные же обстоятельства. Изложу их, чтобы ты представляла ситуацию в целом.

3. Отношения с его матерью у меня были краткими и с моей стороны непристойными. Не могу определить их иначе, поскольку не испытывал к ней никаких существенных чувств, и этого должно было бы быть для меня достаточно, чтобы не давать ей оснований думать, что она может испытывать существенные чувства ко мне».

Таня улыбнулась. Веня всегда был ужасно умный и логичный, но всегда же, несмотря на свой ум и логику, не понимал простых вещей. Как будто можно разрешить или запретить испытывать чувства! Ну, полюбила она его, наверное. И дело тут не в том, давал он ей для этого основания или просто с ней переспал. Дело в нем самом, какой он есть. Уж Тане ли не знать!

«4. Что после нашего расставания она родила, я действительно не знал. Но должен был предполагать, что это возможно, и, соответственно, принять меры, чтобы этого не произошло. Женщина она была как раз такого типа, который мне глубоко неприятен: без царя в голове, со склонностью к эффектным жестам и при этом с полной неспособностью к повседневным рутинным усилиям. Таким женщинам, полагаю, детей иметь не нужно. Но бессмысленно рассуждать о свершившемся факте.

5. Ребенка она воспитывала до пяти лет. Потом у нее случилась очередная любовь с предсказуемым финалом. Она снова была беременна и собиралась рожать, но передумала и сделала

аборт на позднем сроке вне медицинского учреждения, после чего умерла от сепсиса. С родителями у нее никаких отношений не было. Забрать внука они отказались, и он попал в детдом».

Читая этот пункт, Таня слышала его голос. То есть она и по всему письму его слышала, но здесь особенно отчетливо. Слышала, как Веня старается говорить холодно и кратко, чтобы никто не заметил, что с ним при этом происходит.

Зря он, конечно, попытался проделать с ней этот свой фокус. Веня видел ее насквозь, но и она его тоже. В нем было много для нее непонятного, а того, что занимало его ум, она не понимала почти совсем, но сам он был ей понятен весь. Такая вот странность.

«6. Я прошу тебя его забрать. Это не требование – я ничего не могу требовать от тебя, да и ни от кого не могу, так сложилось. Это не условие получения наследства. Я прошу об этом тебя, потому что больше мне просить об этом некого. А быть мертвым, понимая, что мой сын брошен на произвол судьбы, будет для меня невыносимо. Я никогда не верил в бессмертие души, загробную жизнь и прочие подобные вещи, и сейчас не верю, и ничего этого для себя не жду. Но мне почему-то не все равно, что будет с ним после моей смерти. Такой парадокс».

И вчера, когда она читала это письмо впервые, и сейчас Таня почувствовала острую обиду из-за того, что он написал это только о каком-то неведомом ребенке. Ей хотелось, чтобы ему было не все равно, что будет с нею.

Но, конечно, глупо этого хотеть. Она взрослый человек, способный справиться с любыми обстоятельствами жизни, он это знает. Он и сам приложил усилие для того, чтобы она стала такая. Что-что, а прикладывать усилие он умел, и всегда правильно.

Она вздохнула и продолжила читать. Хотя вообще-то видела это письмо перед собой даже с закрытыми глазами, и не было у нее никакой нужды поверять его этими стенами. Да и ничем ей не нужно было его поверять.

«7. Не знаю, что ты решишь. На всякий случай вот сведения о нем. Зовут Александр Вениаминович Левертов. Фамилия и отчество мои, так как вчера я наконец получил документы об усыновлении. И тут этот бессмысленный приступ, который непонятно чем кончится. То есть теперь это тебе уже понятно. А имя его совпало с именем моего отца просто удивительным образом. Это та еврейская традиция, которая соблюдалась в нашей семье, – называть детей в память об умерших. Но его назвали так случайно. Если считать, что случайности бывают. Я думал, что на мне оборвались все традиции. Вернее, что я их оборвал в силу бессмысленного устройства своей жизни. Но вот как вышло. Я приложил все усилия, чтобы усыновление было оформлено максимально быстро. Но пока документы не были готовы, я не мог забрать Алика. Мне разрешали с ним видеться только в детдоме, и то нечасто. Таким образом я мало его знаю. Ему одиннадцать лет. Это переходный возраст или еще нет, понятия не имею. Большую часть своей жизни он провел в детдоме, и это чувствуется, хотя внешне заметно гораздо меньше, чем можно было ожидать. Никому, кроме тебя, я не решился бы предложить такого ребенка. Сомнительное для тебя преимущество, понимаю. Но обстоятельства, если иметь в виду его будущее, в связи с моей смертью складываются отчаянные.

8. На всякий случай я только что оформил документ, которым доверяю опеку над ребенком тебе. Если ты решишь этим воспользоваться, то Всеволод Решетов тебе поможет. Он грамотный юрист и порядочный человек. Передаст тебе это письмо в случае необходимости».

Вот она, необходимость.

Наверное, Вене не хватило бумаги, ведь он писал в больнице. Окончание письма, уже без нумерации обстоятельств, было написано на обороте последнего листа. Таня перевернула его и прочитала:

«Не знаю, должен ли я просить у тебя прощения. Судя по тому, как сложилась моя жизнь, надо только радоваться, что я поступил так, как поступил, и твоя жизнь пошла от моей отдельно. Но все-таки я хочу, чтобы ты знала: ни о чем я не жалею сейчас так сильно, как об этой отдельности. Мои чувства обострены труднообъяснимой, но отчетливой тревогой. И в

тревоге этой я вспоминаю тебя той девочкой, которая кричала «он же живой», вцепившись в ствол автомата. Мне кажется, я помню это и сейчас, когда ты читаешь мое письмо, хотя такого не может быть, раз ты его читаешь.

Прости меня, Таня».

Она положила письмо в конверт. Все-таки хорошо, что перечитала его здесь. Вчера только просидела над ним без толку весь вечер, не думая ни о чем, а теперь мысли выстроились в объективном порядке, как железные опилки под воздействием магнита.

Разумеется, она переедет сюда. Веня слишком высокого мнения о ее чувствительности – уж как-нибудь не захлебнется она в потоке местных воспоминаний. Да и возня с отоплением, необходимость ремонтировать то крышу, то крыльцо и чистить двор от снега – все, что он назвал хлопотностью здешней жизни, – ей таковой не представляется. А хоть бы и представлялась – ребенку все равно лучше расти здесь, чем в панельной много-этажке на Петушках. Сокол и Петушки!.. Таня улыбнулась.

И тут же, как будто улыбка их отомкнула, слезы хлынули из ее глаз ручьями. Да, именно так – двумя широкими ручьями. Они и на стол капали, и в нос затекали, и в рот. Тане казалось, слезы не иссякнут никогда. Они лились и лились, и она не вытирала их, а стряхивала руками со щек.

Но иссякли, конечно. Таня шмыгнула носом, потом попыталась глубоко вдохнуть. Вчера ей весь день не удавалось это сделать, и ночью не удавалось, и сегодня с утра тоже. И вот удалось наконец.

Отдышавшись, она огляделась. Комната была пронизана неярким светом так, будто на все предметы упала прозрачная поблескивающая ткань. А просто, пока Таня плакала, солнце выглянуло из сплошного зимнего марева. Дары волхвов засверкали тем же тусклым золотом, каким сверкали они пятнадцать лет назад, когда Таня последний раз видела эту картину.

Она подошла к дрессуару. На его открытой полке стояли старые фотографии в рамках, те самые, которые она вспоминала вчера. Одна фотография была без рамки и выглядела новой. Таня взяла ее, чтобы рассмотреть получше.

Сходство было такое, что сердце ее, уж было успокоившееся, сжалось снова и в носу опять закололо. Еще бы известие о существовании этого ребенка не произвело на Веню сильного впечатления! Те же тонкие черты, и брови взлет, и лоб высокий, и все это создает облик – то, как человек внешне явлен. Это Веня ей когда-то объяснял, что такое облик. Она тогда только-только поступила в колледж и была увлечена изучением макияжа. Надо сначала понять облик, говорил он. То, как сущность человека проявлена внешне. А потом уже макияж подбирать.

Если судить по облику, то сущность у этого мальчика в точности Венина. Но опыт ежедневного общения с людьми подсказывал Тане: сущность-то, может, и самая распрекрасная, а пока до нее доберешься, иной человек тебе весь мозг вынесет. Взгляд этого пацана как раз позволял предполагать, что так оно и может оказаться.

Ладно, что толку рассуждать о каких-то абстрактных вещах. И конкретных более чем достаточно.

Таня полистала сообщения в айфоне, нашла среди них нужное и позвонила его отправителю.

– Всеволод, здравствуйте, – сказала она. – Это Татьяна Алифанова. Вашего отчества не знаю, извините. Хочу с вами встретиться, желательно сегодня. Можем?

Видно, Всеволод Решетов ожидал ее звонка, потому что не удивился ни ему самому, ни тому, что она сразу перешла к делу.

– Да, Татьяна Калиновна, – ответил он. – Можем встретиться сегодня. Где и когда?

– Я приеду куда скажете.

– Где вы находитесь? – поинтересовался он. – Чтобы я мог прикинуть время.

– На Соколе, – ответила она. И зачем-то уточнила: – В поселке Сокол.

Хотя, учитывая обстоятельства, он и сам, надо думать, это сообразит.

– Я буду у вас через полчаса, – сказал Решетов.

Сразу понятно, человек толковый. Хорошо. Ну и ей нечего зря бродить по комнате, разглядывая фотографии.

Таня умылась холодной водой и пошла в котельную. Огонек газовой горелки едва теплится. Она включила отопление на полную мощность, чтобы дом нагрелся поскорее. Система обогрева осталась здесь та же, Таня знала, как ею пользоваться. Да хоть бы и не знала – ничего хитрого.

Она вспомнила, как Евгения Вениаминовна говорила ей когда-то:

– У нас здесь есть наблюдение: женщины, выходя замуж, обычно остаются на Соколе. А вот мужчины почти всегда переезжают отсюда к женам.

– Почему? – не поняла Таня.

– Не каждую жену, тем более молодую, уговоришь пойти на такое хозяйство, – объяснила та. – Сейчас хотя бы газ есть, а раньше мы печки топили – дровами, углем. Кому это надо?

Объяснение вызвало тогда у Тани недобрую усмешку. Пожили б те молодые жены в покосившейся халупе! За счастье б считали, что самим топить можно, а не выслушивать мат гундосоного Кирьяка, который работал в котельной: уголь такие и разэтакие не закупили, чем я вас тут, вашу так и этак, греть должен?! Котельная, которая отапливала их улицу в Болхове, выходила зимой из строя чаще, чем работала. Понятно, что Тане смешны были страдания соколянок.

Котел загудел, тепло разбежалось по трубам, и ей вскоре стало жарко в шубе. Она отнесла ее в прихожую, потом заглянула в кухню. В буфете не обнаружилось даже чая, холодильник вообще был выключен. Ладно, в конце концов, не гостя ждет. Обойдемся без чаепития.

Глава 9

Услышав звонок, Таня открыла входную дверь и увидела Всеволода Решетова, стоящего за забором рядом с кругленьким синим «Фольксвагеном», на котором он приехал.

– Откройте, пожалуйста, сами калитку! – крикнула она. – Руку просуньте сквозь штaketник и отодвиньте щеколду.

Тут же Таня подумала, что невежливо так командовать, и стала спускаться с крыльца, но он открыл калитку быстрее, чем она успела шагнуть в снег.

– Надо вам как-то иначе калитку запирасть, – сказал Решетов, входя в дом. – Не на щеколду, а на замок. И камеру наблюдения поставить. Если, конечно...

– Сейчас мы все это обсудим. – Она открыла перед ним дверь в большую комнату. – Проходите, Всеволод...

– Анатолевич.

Он снял пальто – Таня рассмотрела, что оно действительно с норковым подбоем, – встряхнул, расправил и повесил на плечики в стенной шкаф. Если он и в делах такой же тщательный, то хорошо. Так она подумала, входя вслед за ним в комнату.

Они сели напротив друг друга за стол. Решетов положил руки на столешницу. На узорчатом дереве они белели пухлыми подушечками.

– Вы прочитали письмо Вениамина Александровича, – первым произнес он.

– Да, – кивнула Таня. – Вы ведь тоже?

– Нет. – Он посмотрел удивленно. – Вениамин Александрович не предлагал мне его читать.

Тане стало не то чтобы стыдно, но все-таки неловко. Если бы ей надо было передать кому-то важное письмо от умершего человека и оно было бы в незапечатанном конверте, она его прочитала бы точно.

«А почему, собственно, я его прочитала бы? – Только сейчас, глядя на спокойно лежащие на столе руки Всеволода Решетова, она подумала, что это вообще-то странно. – По какой причине?»

И тут же эту причину поняла. Она прочитала бы такое письмо в тринадцать лет и точно так же прочитала бы сейчас просто потому, что за годы, прошедшие с тех пор, изменилось в ней многое, но сущности ее, настоящей ее сущности, эти перемены не коснулись.

А у него сущность другая, значит. Такая же, как белизна его рук.

«Ну и хорошо, – подумала Таня. – С таким проще дело иметь».

А вслух сказала:

– Левертов завещал мне этот дом.

– Это он мне сообщил, – кивнул Решетов. – Во время нашего последнего разговора. И просил меня уведомить вас, когда будет оглашено завещание.

– Он так спокойно об этом просил?

– Я не назвал бы его состояние в тот вечер спокойным.

– А каким назвали бы?

– Тревожным. Подавленным.

– Подавленным?

– Да. – Наверное, Решетов расслышал недоверчивые нотки в ее голосе, потому что добавил: – Мне тоже было непривычно видеть его таким. Но потом я погуглил: именно подавленность и тревога, страх – признаки предынфарктного состояния. Смертный страх, – уточнил он.

Таня вдруг вспомнила, как прочитала, что все человеческие чувства: любовь, ненависть, счастье и прочие, – это всего лишь определенное сочетание гормонов. Выстроятся твои гор-

моны в каком-то неведомом порядке – и влюбишься черт знает в кого. Потом перестроятся – и того же самого черт знает кого возненавидишь.

– И где же ты это прочитала? – поинтересовался Веня.

Он сидел за столом у себя в кабинете наверху, а Таня постучалась и вошла, потому что... Ну просто ей хотелось его увидеть. И чтобы он ей что-нибудь сказал, хотелось тоже.

– В «Экстра-М», – ответила она. И уточнила: – Это газета рекламная, она на Ленинградке в продуктовом лежит.

– Пора бы тебе оставить дурацкую привычку черпать знания в продуктовом магазине, – поморщился он.

– А что, не так, что ли? С гормонами.

Таня обиделась. Веня вернулся из командировки ночью, она уже легла, он прошел к себе в комнату, и она слышала, что он не спит, а он, конечно, видел, что у нее свет не выключен, но даже «здрасьте» сказать не заглянул. И сейчас, утром, ни капельки ей не обрадовался, морщится еще!

– Поверхностно образованные люди полагают, что именно так, – сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.